

СЕРГЕЙ БЕСФ

ЧУДОВИЩЕ ИХТЕО

ФЭНТЕЗИ ТРИЛЛЕР

Сергей Бесф

**Чудовище Ихтео.
Фэнтези, триллер**

«Издательские решения»

Бесф С.

Чудовище Ихтео. Фэнтези, триллер / С. Бесф — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505582-8

Гигантский морской змей, однажды появившийся в тихой средиземноморской гавани, вызывает на всем побережье страшный переполох, нагнетаемый СМИ. Над возникшей проблемой работают ученые, эксперты и специалисты разного уровня. Но никто из них не знает, что чудовище уже наказано за свое агрессивное поведение.

ISBN 978-5-00-505582-8

© Бесф С.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Глава 1 Первое появление чудовища	6
Глава 2 Никогда не причиняй людям зла	8
Глава 3 Неудавшаяся картина	10
Глава 4 В гостевом доме Эйден	14
Глава 5 Не так уж плохо обстоят дела в банке	24
Глава 6 Знакомство с Барби	28
Глава 7 Новая сенсация	37
Глава 8 Две головы одного чудовища	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Чудовище Ихтео Фэнтези, триллер

Сергей Бесф

© Сергей Бесф, 2019

ISBN 978-5-0050-5582-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Глава 1 Первое появление чудовища

Событие, предсказанное экстрасенсами, ясновидящими и другими провидцами, не заставило себя долго ждать.

Жарким августовским вечером гигантский двуглавый морской змей звучным всплеском вспорол ровную водную поверхность в небольшой средиземноморской гавани Ихтео.

Змей, уставший от бушующего в открытом море разнuzданного шторма, позволил себе всплыть в тихой бухте, чего раньше с ним никогда не случалось.

Чудовище, сравнимое размером с двухпалубным судном, появилось над водой, как огромное живое привидение.

Две пары беспокойных змеиных глаз бегло прошлись по малоллюдному в это время суток пляжу и задержались на весьма оживленной набережной.

Безмятежная тихая бухта успокоила чудовище. Одна из голов змея отстраненно зевнула, обнажая саблевидные белые клыки, загнутые внутрь алой слизистой пасти.

Другая голова, более активная в своих проявлениях, удовлетворенно фыркнула.

Гавань змею понравилась. Опоясывающие бухту отвесные скалы надежно закрывали ее от прямых ураганных ветров. Штормы и ураганы не были здесь даже редкими гостями.

Змей, довольный своим открытием, набрал в одну из своих пастей приличную порцию воды и тут же выпустил ее мощнейшим фонтаном через широко раскрытые ноздри.

Летучие брызги разлетелись с неимоверной силой, будто синхронно в одну трубу прокачали десятки насосных станций. Отдельные россыпи воды достигли границ примыкающего к мелководью галечного пляжа.

Вильнув упругим хвостом, снабженным могучим перепончатым ластом, змей поднялся высоко над водой.

Чудовище, с развернутыми в противоположные стороны головами, представило свой устрашающий облик массовому скоплению народа на курортной набережной.

Змей наслаждался новыми для себя впечатлениями, тешился произведенным на земных букашек эффектом. Войдя в игровой кураж, он забавлялся, феерил.

Пребывая в развеселом состоянии нрава, раззадоренный и крайне довольный собой, змей в игривой манере накренил свое громадное тело и плюхнулся в воду, чем вызвал в бухте сильный волновой удар.

Разгоряченное чудовище не преминуло возможностью пойти дальше.

Набрав воды, на этот раз сразу в две свои пасти, змей сотворил новый фонтан. За ним последовали еще и еще...

Один за другим мощные водные потоки понеслись большей частью вверх.

Под воздействием налетевшего с открытого моря ветра, великая водная масса хлынула на ближнюю к набережной гору.

Соединившись наверху в могучие полноводные ручьи, вода зашумела, забурила и нарастающим потоком двинулась вниз по скале, смывая все на своем пути.

Сумятица на набережной, паническая сутолока, сопровождающаяся режущими слух человеческими орами, озадачила змея.

Безотчетная тревога заставила гигантскую рептилию усомниться в правоте своих действий. Острым, болезненным укором, как особого вида лучом, змеиная память высветила старый запрет деда – никогда не причинять людям вреда.

И хотя, как показалось змею, существенного вреда по большому счету он не причинил, тем не менее, змей кожей почувствовал свою вину. Как провинившийся пес, он поджал хвост.

Без внешних эффектов змей погрузился в прогретую горячим солнцем воду и быстренько покинул бухту, оставляя за собой клокочущий шлейф из бурлящей пены.

Появление в бухте Ихтео огромной рептилии с ее устрашающими внешними данными вызвало на курортном побережье Анагории невиданную ранее панику.

Набережная быстро опустела. Курортники, туристы и местные торговцы от страха попросту «наложили в штаны» и поспешили покинуть это страшное место.

К счастью, никто не погиб, но было много травм после учиненного змеем водного потока. Seriously пострадало и психическое здоровье людей.

Хлынувшая с горы вода повредила торговые павильончики, искорежила палатки и лотки. Немалый урон был нанесен хозяевам ресторана и двум открытым кафе на набережной.

А для всех источников информации невероятная, трагическая сенсация в бухте Ихтео стала главной горячей новостью.

Уже через час после вторжения змея во всех информационных сетях пошли экстренные сообщения.

Публикуемые видеоматериалы сопровождались многочисленными комментариями очевидцев.

Тяжелая, гнетущая атмосфера, передаваемая через мониторы и разного рода ретрансляторы, создавала впечатление, что в Анагории произошло событие из разряда самых ужасных.

Репортерские фразы звучали с такими надрывами, с которыми сообщаются подробности страшных аварий и катастроф.

В прямом телеэфире регулярно появлялся лик какого-нибудь известного в стране чиновника. Сочувствующим тоном чиновник сообщал о скором принятии мер по недопустимости подобных явлений.

В последующие дни в эфир стали регулярно выходить столичные программы в формате «круглого стола».

В спешном порядке собирались представители власти, ученой и культурной элиты.

Во время длительных обсуждений много говорилось о неизученности явления и неготовности страны к отражению подобных змеиных атак.

Сам же город Анагория с его многочисленными гостиницами, санаториями и гостевыми домами после вторжения змея обезлюдел.

Остались лишь местные жители да горстка бесстрашных туристов, которым жизнь в Анагории стала неожиданным доказательством их собственной смелости.

Эти туристы не боялись морского змея, поскольку сами были подвержены отнюдь не слабому влиянию зеленого змия, родственному в некоторых аспектах своему морскому собрату.

Глава 2 Никогда не причиняй людям зла

Оставим на время несчастную Анагорию и вернемся к виновнику тревожных событий в бухте Ихтео – морскому змею. Следует заметить, что уже через три дня змей-гигант получил ожидаемый им тревожный сигнал.

Дельфин с царственным коралловым венцом на голове разогнал заигрывающих со змеем симпатичных океанических акул. После чего дельфин недвусмысленно дал понять, что змея ждет в хрустальном дворце морской царь.

По выразительной дельфиньей мимике змей понял, что ничего хорошего встреча с дедом ему не сулит.

От берегов комфортного для себя Китая змей стремглав помчался к атлантическому дворцу Посейдона. Страх, который в начале пути испытывал змей, постепенно превратился в мандраж.

Змей все время думал о каре, о наказании, которое ему вынесет дед за глупый, нелепый проступок в тихой гавани Ихтео.

Высокие двери хрустального дворца деда в холодных атлантических глубинах, услужливо распахнул перед змеем старый царский служака – морской дракон. Имя дракона змей позабыл, поскольку почти не бывал в этих краях.

Дракон поочередно кивнул обеим головам змея и улыбнулся, обнажая ряд проевшихся желтых зубов. Он будто хотел сказать: «Ничего, дружище, и похуже бывает».

Посейдон встретил змея в облике человека, что в общем и целом было, если не самым плохим предзнаменованием, то явно дурным знаком.

Таким змей видел деда только один раз, когда тот угрожал своим трезубцем королю осьминогов за учиненный многоножками морской разврат.

Посейдон двумя руками осторожно снял с себя корону и бережно установил ее на специальный постамент перед собой.

Морской царь был похож на строгого бескомпромиссного судью, который сделает все возможное для восстановления справедливости.

Хмурясь то ли от гнева, то ли от преломленного хрусталем солнца, Посейдон начал без предисловий:

– Я предупреждал тебя, чтобы ты никогда не появлялся перед людьми.

После первой укоризненной фразы дед поправил на шее изумруды и выровнял золотые петлицы на расшитом золотом хитоне.

Тончайшие изыски в одежде Посейдона подчеркивали громадную иерархическую разницу между морским царем и его внуком двуглавым змеем.

– Я не хотел причинить людям вред. Прости меня, дед, – неожиданной рифмой ответил змей. Высказавшаяся голова змея прогнула свою вытянутую шею, усеянную многочисленными рядами шипов, и коснулась блестящего мраморного пола. Вторая же голова, будучи поменьше первой, вела себя несколько отстраненно, как будто бы она и не была частью общей змеиной сущности.

Посейдон, услышав просьбу внука, даже не подумал о прощении. Он не был бы морским царем, если бы с легкостью прощал своим морским тварям подобные «невинные шалости».

– Нет, змей... Ты натворил в известной тебе бухте слишком много бед. Зачем ты появился перед людьми? Зачем ты причинил им страдания? За то, что ты сделал, я не прощу тебя, возможно, никогда. Или, быть может, когда ты полностью исправишь свою вину, я изменю к тебе отношение... Для исправления собственных ошибок я отправлю тебя в ту самую бухту, где ты учинил это форменное безобразие. Причиненное тобой зло должно быть перекрыто сотворенным тобой же добром. Каждый пострадавший должен получить от тебя столько благ, чтобы

эти блага могли с лихвой перекрыть последствия твоего дикого проступка... Каждый пострадавший, – повторил Посейдон и строго, взыскательно посмотрел на змея.

Ему ничуть не было жаль внука. Наказание, которое он ему выносил, лежало в плоскости той моральной геометрии, которая во все времена являлась стержнем его божественного воспитания и совершенно особой правды.

Змей неловко выглядел перед дедом в хрустальной, гламурной зале дворца: огромный, несуразный, двухголовый.

Разве мог он предвидеть столь серьезные для себя последствия после, казалось бы, простой невинной шалости.

– Ты ничтожество. Ты слишком возомнил о себе и заслужил наказание, – суровый тон деда не позволял усомниться в серьезности его намерений.

– Я все сделаю, дед. Выполню все твои требования, чего бы мне это ни стоило, – поспешил заверить Посейдона змей. При этом он совершенно не представлял себе, каким образом будет творить на земле это самое добро. Неясно было даже: с чего и как начать?

– Все. Иди. В море твоя варварская психология неприемлема. Здесь жить ты больше не будешь, – Посейдон указал в сторону хрустальных дверей, требуя, чтобы внук немедленно покинул дворец, – иди и знай, что у тебя впереди другое будущее, которое даст тебе возможность выправить свое положение. Ты сможешь. Я помогу...

Последних слов деда змей не слышал. Неловко перебирая своими маленькими ножками, он выходил из дворца.

Глава 3 Неудавшаяся картина

Дельфины, обозначившие себя черными точками на горизонте, по мере приближения к берегу повели себя просто вызывающе.

Они беспрестанно гоготали и высоко выпрыгивали из воды, всем своим видом стараясь привлечь к себе внимание.

Рисовать море с дельфинами не было малейшего желания. Эйден отложила кисть и не без грусти посмотрела на свое произведение.

Море, которое по замыслу юной художницы должно было стать стихией, смывающей грязь и все плохое на земле, на картине таковым не выглядело.

Волны, наяву подвижные, кипучие, на полотне получились унылыми, серыми, невнятными. Волновая масса выглядела инертной, неживой. Эйден, как ни старалась, не смогла придать волнам энергию, силу, ярость.

Морской змей в бухте, изображением которого Эйден собиралась придать колоритный сумрак всему пейзажу, на полотне так и не появился. Она попросту не решилась его изображать.

Без внутреннего ажиотажа, без жгущего душу драйва за кисть лучше не браться. Эйден отчетливо вспомнила слова своего наставника: «Художника нет без острой душевной провокации, без смелого вызова самому себе».

Твердо решив изменить свою жизнь, стать, наконец, смелой и дерзкой, Эйден подставила маленький острый кулачок под свой тяжелый подбородок с упрямой ямочкой и принялась наблюдать за приближающимися дельфинами.

Уже хорошо были видны их жирные лощеные спины.

Когда Эйден разглядела среди дельфинов в пенящейся водной массе белое тело человека, она вскрикнула и приложила ладони к щекам.

Дельфины старательно, как заботливые верные слуги, удерживали человека на плаву и быстро приближали его к берегу.

Выгнутая колесом спина, беспомощно раскинутые руки и запрокинутая голова недвусмысленно указывали на то печальное обстоятельство, что человек этот был мертв. Зрелище становилось не для слабонервных. Эйден побледнела и опустила голову.

Можно было подняться и уйти, и никто бы ее не обвинил. Но она осталась и, машинально проведя рукой по приподнятой ветром юбке, продолжила созерцать крайне необычное действо.

Перед береговой полосой на пляжном галечном мелководье дельфины собрались воедино. Дружно, словно по команде, они подняли над водой безжизненное тело и вытолкнули его на берег.

Задрав свои черные носы, как бы прося прощения за содеянное, дельфины быстренько ретировались.

Эйден с тревогой смотрела на разворачивающийся у нее на глазах трагический спектакль.

Пляж был пуст. Содействия или помощи просить здесь можно было, пожалуй, лишь у жирных чаек.

Повыше чаек в синем небе Эйден заметила орла. Стервятник описывал круги в небе над бухтой.

Скорее от безысходности, чем от надежды, Эйден посмотрела на пустую спасательную вышку.

Старое витражное окно поскрипывало от дуновений ветра. После того страшного дня, когда пляж в одночасье опустел, спасатели здесь не появлялись.

Дрожа от страха, Эйден на цыпочках подошла к оставленному дельфинами телу.

Труп молодого голого мужчины с раскинутыми руками, разведенными посиневшими пальцами лежал вдоль берега, упертый лицом в мелкую гальку.

Вокруг шеи мертвеца намотался махровый клубок красных водорослей.

Оттуда, из своего убежища, безумными от испуга глазами на Эйден смотрел крошечный крабик.

Эйден стояла в полуметре от трупа. Если бы утопленник сейчас вдруг взял бы и ожил, он вполне бы мог схватить ее рукой. Тогда она точно бы умерла от страха.

Осторожно, будто она находилась не на пляже, а на минном поле, Эйден сделала полшага вперед.

Наклонившись, девушка вытянула руку, взяла двумя пальцами краба и выдернула перепуганное морское создание из обволакивающей шею мертвеца водорослевой среды.

Она поднесла живое, пульсирующее существо к своим глазам, желая увидеть и увязать нежданное крабье счастье с ее собственным благородством.

Найдя в глазах краба именно то, что она искала, Эйден тут же бросила его в море.

Молодой краб, как показалось Эйден, махнул на прощанье клешней, будто пожелал ей удачи в тревожной земной жизни. Внимание Эйден вновь переключилось к утопленнику.

Отдраенная морем бело-синяя кожа мертвеца, была сплошь покрыта пупырышками, характерными для испытывающего сильный озноб человека.

Озноб, как внезапно показалось Эйден, совершенно не подходил в качестве характеристики мертвого тела.

Ужас, связанный с тем обстоятельством, что, возможно, этот человек еще жив, что он нуждается в ее помощи, привел Эйден в жуткое состояние панического замешательства.

Она задергалась, как рыба, попавшая на крючок к умелому рыболову. Ей захотелось убежать прочь от этого страшного места, забыть эту неприятную историю и никогда о ней не вспоминать.

Она бы так и сделала, если бы не была фантазеркой до мозга костей, не имела яркого воображения и редко встречающегося даже среди художников-профессионалов дикого артистического любопытства.

Повинуясь некоему повелительному движению внутри себя, она вдруг живо вообразила, что при жизни этот утопший парень был наверняка красив.

Фантазия юной художницы тут же взмыла, как внезапно вырвавшаяся на волю птица. Страх перед мертвецом на какое-то время отступил. Сюжет, который подарила ей сама жизнь, требовал обязательного неременного воплощения.

Картина, которую она – Эйден напишет, будет необыкновенной, сюжетной, феерической. Сначала художница представила себе этого человека управляющим тройкой запряженных дельфинов.

Затем ей показалось, что более впечатляюще выглядела бы картина, где он, верхом на крупном черном дельфине мчится по синему морю, разрезая медленные ленивые волны.

Эйден подобрала подол своей юбки и присела на корточки перед трупом. Окончательно справившись со страхом, она убрала намотавшиеся на его шею водоросли.

Взгляд Эйден скользнул по посиневшей спине с профилирующими ребрами, по узловатому чуть выпирающему позвоночнику и на мгновение задержался на худых сжатых ягодичках.

Смущение быстро растворилось в kloкочущем желании создать выдающееся произведение и во весь голос заявить о себе...

Короткий отрывистый кашель, будто из потустороннего мира, перевернул свет в глазах Эйден. Оживший труп шевельнулся и задержался в судорогах.

Это выглядело, пожалуй, страшнее, чем гром могущественного Зевса среди безоблачного неба. Извиваясь, как попавшая в западню змея, оживший труп жадно глотал воздух и шлепал ладонями по мокрой гальке.

Перепуганная Эйден закричала, вскочила на ноги, пустилась бежать, но, споткнувшись о большой амбарный замок, торчащий толстой стальной дужкой, упала.

Больно ударившись коленкой, Эйден села на бревно и громко по-девчоночьи зарыдала, сетуя на ужасные обстоятельства, с которыми она была не в силах бороться.

Тем временем оживший человек перестал биться в агонии. Он поднялся на свои довольно длинные ноги и выдал изрядную порцию сильнейшей икоты. Покачиваясь, с трудом сохраняя равновесие, человек всматривался в морскую даль.

Истина начинала проясняться. Мудрые дельфины вынесли на берег вовсе не труп, а живого человека. Судя по всему, дельфины спасли ему жизнь.

Эйден тихонько плакала. Слезы сами собой текли из больших карих глаз и помогали ей бороться с собой. Она старалась изо всех сил взять себя в руки и справиться с сильнейшим шоком.

Когда она немного пришла в себя, поведение спасенного показалось ей весьма и весьма странным.

Стоя на коленях, он жестами общался с морем, как с неким собеседником.

При этом, зная, что Эйден рядом, что она смотрит на него, он ничуть не стеснялся собственной наготы.

Эйден оставила бы этого «сумасшедшего» и ушла домой, если бы не болезненное ощущение ответственности за него.

Если она уйдет, то «Морского», как она про себя его назвала, наверняка, заберет городская полиция. Тогда, скорее всего, его попросту упрячут в тюрьму.

Любопытство же стало вторым главенствующим стимулом. Эйден прекрасно понимала, что, она, как мелкая рыбешка, попала в сети собственной любознательности.

Ведь никто, кроме нее, не видел, каким необычайным, фантастическим способом Морской оказался здесь, на берегу.

Никто, кроме нее, не видел горстки умных дельфинов, с печальными глазенками, которые вынесли этого человека из губительного для него моря.

В этом происшествии была какая-то тайна, загадка, требующая своего разрешения.

– Эй! А здесь нельзя без одежды, – строгим, но достаточно доброжелательным голосом, чтобы сразу не отпугнуть Морского, крикнула Эйден.

Морской на коленях медленно, как робот, повернулся и удостоил Эйден таким взглядом, что у нее похолодело внутри.

Она едва сдержалась, чтобы не закричать и не убежать. И снова ее сдержало любопытство и непонятно откуда взявшееся чувство ответственности за него.

Эйден совершенно точно знала, что подобного взгляда не найти у живущих на земле людей.

Тем не менее, помимо аномальности, чужеродности в его глазах она смогла уловить и вполне понятное переживание кошмара, трагедии, свалившейся на его юные плечи.

– А ты кто? Ты как здесь?... – схваченная внезапным волнением, спросила Эйден.

Морской вместо ответа повел ухом, словно был он не человеком, а хорошо обученной собакой, оценивающей отданный ей приказ.

Сочувствие к его незавидному положению волной нахлынуло на Эйден. Решение пришло само собой.

Она рванулась в сторону спасательной будки. Поднявшись по узкой железной лестнице, Эйден влетела через распахнутую пластиковую дверь в помещение спасателей.

Безобразной кучей здесь лежали вещи отдыхающих, брошенные на пляже в тот страшный вечер.

Эйден схватила синие бриджи с большими золотыми звездами, белую мятую майку с крупной надписью на английском языке и оранжевые пляжные шлепки.

В одежде «спасенный» выглядел, как отважное пугало, которое выставляют в деревенских огородах, чтобы отгонять надоедливых птиц.

Но Эйден уже не удивлялась. Она все больше понимала, что этот человек необычный. Он будто с луны свалился и явно нуждается в помощи.

– Пойдем со мной, – приказала Эйден, дружески протягивая руку, – ты меня не бойся. Я тебе ничего плохого не сделаю.

Она улыбнулась ему так, как улыбается весеннее солнце, когда после продолжительного зимнего отсутствия долгожданное светило утверждается на синем небе.

Морской сделал робкий шаг, за ним последовал другой. Пошатываясь, он поплелся за Эйден.

По дороге Эйден пробовала с ним разговаривать. Поначалу он молчал, а затем вдруг выдал Эйден несколько совершенно бессмысленных фраз.

Тем не менее, он быстро осваивался, приходил в себя. Внимательно слушая Эйден, Морской повторял за ней слова, фразы и становилось понятно, что он хорошо знает язык.

Ей удалось выяснить, что зовут спасенного Юнг, что он, наглотавшись воды, едва не умер. Загадкой осталось, пожалуй, самое основное, самое главенствующее обстоятельство во всей этой крайне удивительной истории.

Она не могла понять – почему дельфины, как правило, безразличные ко всем кораблекрушениям и тонущим при этом людям, спасли этого человека? И, что немаловажно, сделали они это в высшей степени эффектно.

Эйден вспоминала хронику последних новостей.

Никаких кораблекрушений или иных подобных морских происшествий. Никаких тонущих паромов или терпящих бедствие рыболовных или пассажирских судов. Юнг был, по всей видимости, производным другого рода события.

Глава 4 В гостевом доме Эйден

Дома Эйден прежде всего накормила своего гостя. Заполненный продуктами холодильник после отъезда постояльцев оставался невостребованным.

– Ты что предпочитаешь из еды? – спросила Эйден, «притащив» Морского на кухню.

Тот неопределенно пожал плечами.

– У меня есть мясо птицы, тушеная говядина, свинина, овощи, макароны. Могу сварить специально для тебя рыбный суп. Ведь ты – Морской!.. А морские, насколько мне известно, предпочитают питаться продуктами моря, – улыбнулась Эйден.

– Рыбный суп хочу, – тщательно выговаривая каждое слово, ответил Юнг.

Когда Эйден готовила, позвонил Коман.

– Ну, что скажешь? У вас все постояльцы разъехались? – спросил Коман заунывным голосом.

– Да... Вчера мои последние клиенты уехали. Никто не хочет отдыхать там, где однажды произошло такое. Кто может поручиться, что чудовище не появится снова? Некоторые постояльцы торопились так, что даже деньги не просили вернуть, – в тон вопроса своего приятеля ответила Эйден.

Коман был владельцем известного в Анагории отеля «Фрегат». Он ворочал приличными суммами и всегда подспудно посмеивался над родителями Эйден, которые, владея небольшим гостевым домом на окраине города, в деньгах явно не купались.

По своим соображениям, Коман частенько одалживал родителям Эйден на развитие их семейного бизнеса, чем снискал репутацию друга семьи.

– У меня то же самое... Всех клиентов распугал змей... Почти все уехали, – Коман говорил в несвойственной себе манере: медленно, меланхолично, старательно подчеркивая сходство их незавидных положений, – остались только трое дайверов, которые пьют с утра до вечера и змея не боятся. Они собираются вечером устроить на змея охоту. «Подстрелим чудовище, говорят, а его змеиную шкуру повесим над воротами твоего Фрегата», – Коман притворно рассмеялся из динамика телефона Эйден.

– Ты знаешь, я сегодня была на пляже – картину рисовала, – Эйден, чтобы поддержать разговор интересной историей, стала рассказывать Коману о происшествии на море, – на нашем пляже ни души, ни одного человека. Так необычно... Там летом всегда яблоку негде было упасть, а теперь никого, как в пустыне.

– Ты не боишься ходить на пляж? А если снова змей появится? Куда твои родители смотрят? – с укором спросил Коман.

– Родители уехали на старую дачу. Что им тут делать без постояльцев?.. Представляешь, Коман? Когда я рисовала картину, в море, вдали появились дельфины. Вели они себя странно, беспокойно очень. Сначала я на них не обращала внимания, но, когда оказалось, что дельфины несут на себе человека... Так вот, у этого человека голова висела, как у неживого, а руки болтались, как плети. Дельфины вытолкнули его из моря прямо передо мной на пляж. Я чуть с ума не сошла от страха. Этот человек лежал какое-то время неподвижно, а потом вдруг ожил, начал кашлять и извиваться, как змея. Представляешь себе мой ужас? ...Я смотрела на него и редела, а затем, ты знаешь, перестала бояться, и мне даже стало жаль его. Он показался мне безобидным и беззащитным. А еще он так трогательно разговаривал с морем... В общем, я нашла ему одежду и привела домой... Все равно же постояльцев нет – все комнаты свободные. Пусть поживет у нас. Он совершенно необыкновенный: робкий, пугливый такой. Всего боится. Сейчас я готовлю ему пищу. Еды в холодильниках осталось тьма-тьмуцая.

Эйден услышала, как Коман в телефоне недовольно засопел.

– Как это – дельфины вынесли? А ты в документы его заглядывала? Он, вообще, платежеспособный? – спросил Коман. В том, что он задаст подобные вопросы, Эйден нисколько не сомневалась.

Коман был верен себе. Для него деньги всегда являлись выдающейся материей. Даже в период жесточайшего курортного кризиса, когда змей распугал всех гостиничных клиентов, мысли Комана сохраняли прежнее устойчивое направление, неизменно связанное с извлечением прибыли.

– Не думаю, что он платежеспособный, – с неохотой ответила Эйден, хорошо понимая, что она сейчас вызовет у Комана бурю негативных эмоций, – когда дельфины выбросили его на берег, он был совсем без одежды. Спрашивать в подобной ситуации про деньги или документы было бы нелепо с моей стороны.

– А что он говорит? Как объясняет тот факт, что оказался в открытом море? – Коман спросил с нескрываемым раздражением.

– Никак не объясняет. Я думаю, что он моряк, случайно выпавший за борт своего корабля, но...

– Что, но?

– У него кожа совершенно незагорелая, белая. Ты видел когда-нибудь незагорелых моряков?

– Может, он в трюме работал мотористом каким-нибудь? – раздражение Комана достигло критической точки. Он не мог понять – зачем Эйден взяла полоумного постояльца.

– Нет, Коман. Он не моряк. Моряки другие.

– А, кто же он тогда? Водоплавающий лебедь в образе человека? – съязвил Коман.

– Я не знаю, – ответила Эйден с той интонацией, с которой стараются дать понять, что разговор уже исчерпал себя.

– Я сейчас приеду, – буркнул в телефон Коман, – возьму у тебя часть продуктов по закупочной цене для дайверов. Ну и посмотрю заодно на твоего морского прохиндея.

В телефоне прозвучали протяжные гудки. Эйден сделала недовольную гримасу.

Коман приехал, когда Юнг уже поел. Две тарелки ухи из размороженного хека подняли ему настроение.

По достоинству была оценена и речная жареная рыба, поданная Эйден на второе. Понравился Юнгу и сладкий чай. Морской как-то сразу подобрел. Его бледное лицо порозовело.

Коман широкими шагами вошел в столовую, назвал свое имя и протянул Морскому руку для знакомства. Юнг очень неловко ответил на приветствие.

– Два часа назад его принесли к нам в бухту дельфины. Я тебе рассказывала, – Эйден пришла на помощь своему постояльцу.

Коман в свойственной себе раскрепощенной манере подошел к окну, присел на старый деревянный подоконник, скрестил руки на груди и громко рассмеялся.

– Ты кто такой? – спросил Коман Юнга, сильно повышая на него голос.

Юнг от неожиданности вздрогнул и покраснел, как будто он совершил нечто предосудительное.

– Видишь ли, – интонация Комана смягчилась, – без паспорта мы не можем тебя поселить. Может, ты незаконный мигрант или, чего доброго, преступник, скрывающийся от возмездия.

На это было трудно возразить чем-то существенным.

– Я не помню, забыл, – только и нашел чем ответить Юнг.

Эйден хотела было снова заступиться за своего Морского. Она старательно вспоминала пример, когда человек терял память после какого-нибудь несчастного случая. Пример как-то не находился, и Эйден, закусив губу, тербила пальцами тесемки на своей тенниске.

– Я думаю, что тебе, Эйден, не следует его поселять, чтобы не создавать себе проблем. Пусть он идет своей дорогой, – Коман оглянулся и махнул рукой в открытое окно.

Его взгляд невольно пришелся на стоящего под окном невысокого полного человека в белом, свободного покроя летнем костюме и широкополой соломенной шляпе.

Сквозь мощные линзы больших круглых очков человек с любопытством смотрел на Комана и красноречивым жестом показывал, что ему нужно войти.

– К тебе пришли, – Коман повернулся к Эйден.

Хозяйка дома торопливо подошла к окну. Ее лицо тут же осветилось улыбкой, сродни той, которую она подарила Юнгу на пляже.

– Здравствуйте, Эйден. Я приехал и хочу остановиться у вас, – человек помахал ей рукой, напоминая о старых приятельских отношениях.

– Почему вы не позвонили? Я сейчас, – приветливо ответила Эйден.

– Это – Бони, ученый – биолог из столицы. Он отдыхал у нас в прошлом году. Такой забавный человек, столько всего интересного знает, – проходя мимо Комана, пояснила ему Эйден.

Она сбежала по железной винтовой лестнице, пересекла маленький, закрытый со всех сторон строениями двор и открыла калитку.

Бони снял шляпу перед хозяйкой дома.

– Анагорию не узнать. Город будто вымер: безлюдные улицы, закрытые отели... Неужели всех отдыхающих распугал морской змей? – спросил Бони, входя на территорию гостевого дома.

– Даже не говорите, Бони. Мы все так расстроены. Такой хороший сезон был. У нас все комнаты были заняты. А теперь, вот, никого, – Эйден, рассказывая, провела Бони через двор к своему лучшему стейджинговому номеру, который являлся семейной гордостью, поскольку неизменно приносил высокий доход.

Бони вошел в комнату, поставил на стул сумку, вытер испарину со лба и с удовольствием вдохнул порцию гостиничного воздуха, насыщенного ароматом свежего постельного белья.

– Приходите обедать, Бони. Уха еще не остыла, – вежливо предложила Эйден. Придирчиво осматривая номер, она по привычке выискивала в нем незначительные изъяны, которые следовало бы при случае исправить.

После обеда Бони делился своими мыслями с Эйден и Команом.

– Я приехал сюда не отдыхать. Я приехал работать, как частное лицо... Произошло ведь уникальное событие, имеющее для науки, для ученых, для меня лично огромное значение... – Бони посмотрел в сторону Юнга, который с угрюмым видом сидел в углу столовой. – Подобные чудовища вымерли миллионы лет назад. В настоящее время появление в мировом океане гигантской живой рептилии не поддается объяснению. До появления змея не было ничего известно о реальном существовании столь масштабного чудовища... Масса рептилии больше, чем у крупнейшего кашалота. Вы только представьте... – ученый поднял вытянутый указательный палец, – предполагаемый вес чудовища свыше пятидесяти тонн... Принимая во внимание еще и агрессивный нрав змея, можно в дальнейшем ожидать от него чего угодно. В столице просто шокированы случившимся. Растерянность наблюдается не только среди ученых, но даже и в правительстве. Все объяснения большей частью строятся на уровне догадок и предположений, – Бони перешел на едва уловимый шепот, как будто он не очень хотел, чтобы его слышали.

Коман с весьма заинтересованным видом слушал ученого. Бони ему понравился своим горячим желанием разобраться в случившемся.

Ученый же, в свою очередь, интуитивно принял Комана за соратника в своем деле. Разговор обещал быть полезным и конструктивным.

– Я слышал, что змей – это своеобразная кара, наказание нашему курорту за то, что мы тут цены гнем, – с болью в голосе высказался Коман.

– Да нет, – резко возразил Бони, – не надо чьи-то инсинуации выдавать за чистую монету. Ваши высокие цены тут ни при чем. Нет же никакой связи между ростом цен на курорте и появлением змея в вашей бухте. К счастью, уже существуют и вполне обоснованные версии. Большинство наших ученых полагает, что чудовище Ихтео – это некий мутирующий комплекс, возникший вследствие выбросов химических отходов в мировой океан.

Коман ответил с глубокой досадой:

– Это хорошо, что уже есть версии. Но вот лично у меня сложилось мнение, что в столице все пребывают в каком-то необъяснимом ступоре. Пора бы уже перейти от слов к делу и начать, наконец, принимать хоть какие-то меры. Ведь кроме закрытия Анагории и оголтелой информационной шумихи вокруг этого события ничего не сделано.

Вопреки ожиданию Комана Бони не стал ему противоречить.

– К сожалению, насчет шумихи, вы правы. Телевидение и интернет хлебом не корми, только дай возможность посмаковать подобное событие... – Бони с пониманием посмотрел Комана, – рейтинг популярности каналов и сайтов на такой кричащей информации растет как на дрожжах. А вот насчет принятия мер... не знаю. Событие ведь беспрецедентное, сенсационное. Ничего подобного в реальном мире никогда не происходило. Никто толком не знает, что нужно делать, какого рода меры следует принимать... Я хочу провести собственное исследование и попробовать доказать, что однажды появившийся в бухте Ихтео змей – не мифический сверхгигант, не своеобразный мутант, а всего лишь, скажем, рептилия – переросток, случайный экземпляр, так сказать. Мне нужна информация из первых рук.

Коман не скрывал своего желания быть полезным Бони:

– Я видел чудовище своими глазами, поскольку находился на набережной в момент его появления. Могу поделиться с вами впечатлениями.

– Так расскажите, – с огромной заинтересованностью попросил Бони.

Коман вспоминал подробности того страшного вечера:

– Я выехал к набережной на машине, чтобы забрать выручку из своего небольшого продуктового магазинчика. Настроение было благостное: народу на курорте – тьма-тьмущая, доходы выше ожидаемых. Ничто ведь не предвещало бедствия... Когда посреди бухты в наступающих сумерках вдруг выросла огромная змеиная голова, а через долю секунды появилась вторая, я не поверил своим глазам. Да и никто на набережной сразу не поверил. Народ при виде змея оживился, как это бывает при появлении на публике популярных актеров. В первые секунды люди даже приветствовали чудовище. Многие щелкали фотоаппаратами, полагая, что змей – это какая-то новая необыкновенная анимация... Машина моя остановилась – мотор заглох. Я смотрел на чудовище через открытое окно и, к своему ужасу, быстро осознавал, что это не какое-то масштабное реалити-шоу, а настоящее живое чудовище. Когда я это понял, у меня сердце ушло в пятки, колени и руки затряслись. Да что там руки, меня всего зателепало от страха. Дрожь быстро превратилась в ступор. Я будто остоленел, и тут же пришла мысль о смерти... Еще помню, что в тот момент поднялся необычно сильный для наших мест ветер. Со всех сторон полетел и закружил веером мусор: стаканчики, бумажки, салфетки и прочее... Вся наша набережная задвигалась, как сумасшедшая река с бешеными порогами. Народ побежал по единственной дороге, ведущей от набережной в город. Сталкиваясь друг с другом, люди падали, поднимались и снова падали. Женские голоса были от ужаса, как будто всю работу десяти спецсигналов...

Вы запомнили какие-нибудь внешние особенности чудовища? Ведь вы же живую видели змея! – Бони с нескрываемым воодушевлением попросил Комана дополнить рассказ.

Особенности?.. – Коман напряг память, – Когда змей раскрыл одну из своих пастей, я увидел два его белых клыка. Затем он вытянул язык: белый, длинный – мерзостней нико-

гда ничего не приходилось наблюдать. А когда он поднялся на своем вибрирующем хвосте, от страха я сполз под руль, – Коман побледнел, вспоминая подробности самого страшного в его жизни события.

– А фонтан?! – спросил Бони, – репортеры передали, что набережную едва не смыло потоками воды с гор.

Коман тяжело дышал и держал руки на голове.

– Фонтан я не видел, поскольку выскочил из машины и, как ошпаренный, побежал в сторону города вместе со всеми. Набережная у нас большая, широкая. Я бежал по краю, стараясь никому не мешать... Помню, что помог какой-то молодой женщине, обезумевшей от страха. С ней ребенок был... Я взял женщину за руку, мы подбежали к полицейским, которые тоже были напуганы. Пытаясь отогнать Змея, они беспорядочно стреляли в воздух... Дома я выпил виски, потом еще... Всю ночь в городе была страшная паника, шум, гам. Отовсюду доносились истеричные вопли. Люди боялись, что змей выйдет на сушу и всех нас съест... Утром в новостях объявили, что змей ушел из бухты под водой в неизвестном направлении. Нашлась куча свидетелей, которые подтвердили, что видели змея, покидающего бухту. Сообщили также о прибытии спасателей и экстренных медбригад. Информировали об открытии пунктов психологической помощи. Утром по телевидению выступил президент, заявивший, что мыслями он со всеми пострадавшими...

– Невероятно. Уж сколько дней прошло, а все еще невозможно во все это поверить, – заключил Бони, примериваясь взглядом к Эйден, ожидая от нее не менее интересного отчета.

Эйден, вспоминая, едва не плакала:

– Мне было легче, чем Коману. Змея своими глазами я не видела, поскольку весь вечер провела дома. Если бы тогда я была на набережной, точно бы с ума сошла. У меня впечатлительность дикая. Каждый раз, когда я включаю телевизор и смотрю передачи про змея, меня дрожь берет и я плачу. Мне жалко людей, которые приехали к нам отдыхать и так сильно пострадали. Наш курорт закрыли... Никто к нам больше не приедет...

– Эйден, милая. Я понимаю ваши переживания. Но, все-таки, найдите в себе силы и расскажите, что вы видели в тот вечер? – Бони по отношению к Эйден был гораздо более снисходительным, чем к Коману. Тем не менее, он ожидал от нее не проявления женских эмоций, а вполне объективного рассказа о том страшном событии, которое она пережила.

Эйден не без сожаления посмотрела на Бони.

– Я в тот вечер была дома. Досмотрела фильм по «онлайн» и вышла на балкон. По улице как никогда резво разъезжали машины. Водители, как сумасшедшие, то жали на газ, то давили по тормозам. Со стороны набережной выли сирены, раздавались выстрелы. Кто-то испуганно кричал: «Змей, змей». Я ничего не понимала: Какой змей? Откуда змей? И только когда постояльцы стали хватать свои вещи и драпать, оставляя оплаченные номера, я поняла, что произошло нечто ужасное. До сих пор не могу свыкнуться с мыслью, что все это произошло на самом деле.

Ничего существенного к рассказу Комана Эйден добавить не смогла.

Весьма взыскательный взгляд Бони плавно, органично переместился к Юнгу, который прислушиваясь к разговору, проявлял очевидные признаки заинтересованности.

– А вы, молодой человек. Где вы были в момент пришествия змея? Чем вы можете поделиться? – мягко, но при этом весьма требовательно спросил Бони.

Юнг молчал, а Эйден как-то по особенному заулыбалась, предваряя улыбкой необычайную сенсацию, которую она сейчас сотворит, повествуя столичному ученому уникальную в своем роде историю.

Она едва сдержалась, чтобы не щелкнуть пальцем, и не закричать «але», как цирковой артист перед своим лучшим, коронным номером.

– А этот молодой человек не был в Анагории в тот вечер. Он и не мог там быть... – Эйден будто извинялась, что именно ей довелось стать носительницей новой сенсации, – ведь всего три часа назад его в бессознательном состоянии принесли на наш пляж дельфины.

Бони вытянулся в лице.

– Дельфины?! Принесли в бессознательном состоянии. Не может быть. Хотя, впрочем, да... такие случаи имели место. Они описаны в литературе. Моряков спасали дельфины после кораблекрушений. Но бывало и противоположное, когда дельфины не давали людям спастись... А что он сам говорит, этот ваш, спасенный? – спросил Бони у Эйден, не очень рассчитывая, разговорить самого Юнга.

– Ничего не говорит. Он не помнит, что с ним произошло. Единственное, что Морской вразумительно сказал мне по дороге домой, так это то, что морское чудовище здесь больше никогда не появится, – Эйден знала, что попала в самую точку. При ненасытном любопытстве Бони и его несомненных коммуникативных способностях она не сомневалась, что ученый сможет вытянуть из Юнга все, что тот знает.

– Бони буквально подскочил к спасенному.

– Так-так, молодой человек. Объясните нам, откуда у вас такая уверенность, что змей больше не пожалует сюда? Ведь никто не знает, что у него на уме, у змея этого. Никто не знает, что ему придет в голову. Я, например, полагаю, основываясь на научной базе, что возвращение змея более чем вероятное событие. Поведение рептилий достаточно хорошо изучено. Из противности они возвращаются в те места, где уже были, чтобы просто напомнить о себе.

Юнг перед ответом на вопрос Бони, поднялся со своего места, поправил на себе мятую майку и шорты. Эйден с удовлетворением отметила, что выглядел Морской вполне адекватно той сложной ситуации, в которой он оказался.

– Змей не вернется сюда, я знаю... Этот змей не опасен. Да, он причинил людям зло. Но он не хотел, понимаете, – Юнг после своих слов опустил голову, как нерадивый школьник, который на вопрос учителя дал заведомо неверный ответ.

От внимания Эйден не ускользнуло то обстоятельство, что у Бони после ответа Юнга попросту отвисла челюсть и, чтобы скрыть сей нелицеприятный факт, ученый прикрыл ее своей белой пухлой рукой.

– Что вы говорите? Змей не опасен. Он не хотел. Да откуда вы знаете? А как быть с теми несчастьями, которые змей причинил? Хорошо еще, что никто не погиб. Но есть раненые, есть серьезно пострадавшие люди. Вы пойдите в больницу и скажите там, что змей не опасен, что он не хотел. Слабое оправдание... А почему вы его защищаете? – Бони с таким пристрастием посмотрел на Юнга, как будто увидел в нем лицо, способное в будущем стать едва ли не адвокатом чудовища.

– Я защищаю змея, потому что знаю, что он опасен для людей не более чем обыкновенный океанский кит... В любом случае, змей сам исправит положение.

После ответа Юнга у Бони нервный ком подкатил к горлу. А потом вдруг к нему пришла несусветная мысль, что этот Юнг и есть тот самый змей, перевоплощенный в человека какой-то высшей силой.

Прогоняя от себя эту бездоказательную мысль, ученый только и нашел, что сказать:

– Да это же, знаете ли, бред. Да, бред, то есть, ничем не подтвержденные инсинуации. Каким это образом, позвольте вас спросить, змей исправит положение? Да и зачем ему исправлять положение? – почти без эмоций, выхолощенным голосом спросил Бони. Ученый хорошо понимал, что он устал и нуждается в отдыхе. Иначе как было объяснить сам факт вступления в серьезный разговор с безумцем?

Юнг от обиды, что его не воспринимают всерьез, потряс головой, как юный бычок. При этом на его голове сбились в копну аккуратно расчесанные длинные волосы.

– Ага. Я понимаю, молодой человек, теперь я вас очень хорошо понимаю. Вы обладаете тайной, экстрасенсорной связью со змеем. Он посылает вам какие-то смысловые сигналы. Вы их принимаете, по своему интерпретируете и передаете нам, – Бони подмигнул Эйден и приставил палец к своему виску, показывая, что сомнений в сумасшествии Юнга у него осталось немного.

Понимая, что с Юнгом он теряет время, ученый переключился к Эйден и Коману.

– Ну а ваши друзья, знакомые, сослуживцы? Ведь кто-то из них наверняка в тот вечер был на набережной? – осиплым голосом спросил Бони. Безуспешно пытаюсь справиться со своим носом, ученый довольно сильно чихнул.

Первым ответил Коман:

– На набережной в тот день работала моя продавщица Соня. Она оставалась в магазине до последнего момента. Дуреха боялась бросить товар. Ее едва в море не смыло. Швырнуло потоком воды так, что мало не покажется... Когда я с ней на следующий день разговаривал, она находилась в некоторой прострации.

– Где сейчас ваша продавщица? – спросил Бони, рассчитывая на очередное сенсационное сообщение.

– Я выплатил ей зарплату, такую, как если бы она до конца сезона у меня отработала, ну и... отпустил домой. Она же приезжая.

– Ладно, хорошо. Оставим вашу продавщицу. А друзья, знакомые? Наверняка кто-то из них во время пришествия змея был на набережной? – Бони не унимался со своими расспросами.

Ответила Эйден, которая всем своим видом показывала желание быть полезной для Бони:

– Все мои знакомые были дома. Мы, местные, без дела на набережную не ходим. Разве только соседский мальчишка – Гарник. Он точно был там. Я знаю. Если только детские впечатления будут интересны для вас?

– Мальчишка! Детские впечатления! Да они самые точные бывают, не зашоренные никакими предрассудками. У детей другое восприятие событий. Эйден, дорогая моя, зовите его скорей, – Бони едва не закричал, поторапливая Эйден.

– Хорошо. Сейчас приведу вам Гарника, если он дома.

Эйден ушла. Минут через десять она вернулась с рыжим круглолицым мальчуганом лет двенадцати. Его озорные любопытствующие глаза быстро окинули комнату и остановились на Бони. Он безошибочно определил, кто здесь главный.

– Здравствуй, Гарник. Присаживайся, чтобы тебе было удобно, – Бони улыбался, предвкушая нечто необыкновенное. Такой парнишка, будучи тем вечером на набережной, мог увидеть там больше, чем любой взрослый.

Гарник забрался на высоковатый для него стул.

– Ты был на набережной, когда там появился Змей? – спросил Бони с выраженным снисхождением в голосе, которое обыкновенно применяют преподаватели младших классов в школах.

– Да, я был там. Мы с пацанами – постояльцами катались по набережной на великах. Я на своем, а они в аренду брали, – непринужденно болтая ногами, ответил Гарник. Он смотрел только на Бони, как будто в комнате кроме ученого больше никого и не было.

– Ты сильно испугался змея? – спросил Бони, почему-то ничуть не сомневаясь, что Гарник даст ему отрицательный ответ.

– Кого я испугался? Змея?.. Да я его вообще не испугался. Только засмотрелся, блин, и врезался в парапет. Колесо погнулось у меня, восьмеркой сделалось.

– Колесо ты выровнял, я надеюсь? – спросил Бони, удивляясь тому обстоятельству, что Гарника больше интересовало колесо своего велосипеда.

– Да выровнял я колесо, конечно же. В тот же вечер и выровнял. Я умею. У меня дома есть такая штучка, которая спицы вытягивает.

– Ну а змей тебе понравился, я надеюсь? – Бони попытался вернуть Гарника в тему, чтобы вытянуть из него впечатления о чудовище.

Мальчуган сморщил усыпанный конопушками нос. После чего зрачки его небольших глаз сделались крошечными острыми точками.

– Так себе змей... Немного был похож на настоящего. Но, на самом деле, это вовсе не змей был, – ответил Гарник. При этом выражение его лица сделалось таким отвлеченным, будто змей, как таковой, его мало интересовал.

Бони, у которого самых разных впечатлений за весь этот день накопилось более чем в избытке, на сей раз даже не улыбнулся.

– Вот как? А кто же тогда это был? – спросил ученый с родившейся в его сознании реальной надеждой. Ему вдруг показалось, что разгадка тайны морского змея близка как никогда, что сейчас этот совершенно необыкновенный мальчуган возьмет, да и раскроет ее.

Ожидание новой невероятной сенсации сделалось утомительным, поскольку Гарник никуда не торопился.

– Да вы сами подумайте, откуда ему взяться, змею этому... Таких больших змеев в природе не бывает... – Гарник говорил медленно, поясняя свои мысли последовательными рассуждениями. Он явно наслаждался производимым на Бони эффектом.

Эйден и Коман тихонько хихикали.

Бони с укором на них посмотрел, а ответил Гарнику на этот раз со строгой научной авторитетностью в голосе:

– Да, действительно. О происхождении змея-гиганта пока мало что известно. Правильнее было бы сказать, что ничего не известно. Его появление в бухте Ихтео стало невероятной научной сенсацией и застало всех нас врасплох. Никто не знает, как совладать с таким огромным агрессивным существом, как обезопасить людей, как предотвратить его возможное повторное вторжение. Требуются невероятные усилия всех ученых – теоретиков, практиков, специализирующихся в изучении современного животного мира.

Гарник нахмурил лоб и провел рукой по голове, приглаживая торчащие в разные стороны рыжеватые волосы. Тихо, но так, чтобы его обязательно услышали, он с акцентом заговорщика сказал:

– Ничего не требуется, не надо прилагать никаких усилий, потому что змея в бухте не было... Его, вообще, не существует. Я точно знаю. Вы посмотрите видео про змея. Очертания у него нечеткие, размытые. Да и слишком большой он... Я читал и знаю, что морские змеи большими не вырастают.

Коман на этот раз не сдержался:

– Как это не бывает, когда я сам его видел. Да что там я, сотни людей видели. Не надо говорить глупости.

– В том-то и дело, что змея все видели, но руками то его никто не трогал. Я уверен, змея не было, – таким же тихим голосом, но теперь уже по той причине, что ему не верят, возразил Гарник.

И в самом этом возражении, в самом его тоне, прозвучала такая уверенность в своей правоте, что Бони решил сразу не отвергать эту незрелую детскую мысль, а досконально все для себя выяснить и проверить.

– Я согласен с тобой, – ответил Бони Гарнику, неожиданно поддержав мальчугана, – я согласен, что змея никто руками не трогал, что очертания чудовища на всех снимках, действительно, какие-то нечеткие. Но, если взять и очень смело предположить, что змей – это мираж, обман зрения, то как тогда быть с разрушениями и пострадавшими людьми? Иллюзия, какая-

бы невероятная она ни была, не способна совершить ничего подобного. С этим, я надеюсь, ты спорить не станешь?

Гарник будто ожидал подобного утверждения от Бони.

– Вот! В том-то и дело! – воскликнул Гарник, – разрушал набережную вовсе не змей.

– А кто тогда, если не змей? – почти синхронно спросили Коман и Бони.

Гарник продолжал торжествовать.

– В тот вечер и последующие дни все взрослые были заняты только змеем. Никаких других версий ни у кого и не возникло. Никто даже в сводки погоды не заглядывал. А ведь я об этом читал, в тот самый вечер в районе Анагории был зафиксирован необычно сильный ветер, и произошло несколько подземных толчков.

Бони переглянулся с Команом.

– Ты предполагаешь, что землетрясение могло спровоцировать потоки воды с гор? – спросил Бони, пораженный не столько проницательностью Гарника, сколько тем обстоятельством, что к нему самому до сих пор не приходила подобная мысль.

Гарник со значением посмотрел на Бони и поучительным, как у взрослого тоном, ответил:

– Я не предполагаю, а точно знаю, что так все и было. Землетрясение повредило берега нашего высокогорного озера, и оттуда на набережную хлынула вода.

В разговоре наступила пауза. Напевая про себя известную популярную мелодию, Бони анализировал новую для себя информацию.

Гарнику стало скучно. Он слез со стула и уперев руки в бока, сказал:

– Я пойду. Сейчас кататься на велике самое время – народу-то нет. Все уехали. Улицы свободные. Красота!

– А как ты думаешь, Гарник, когда народ в Анагорию вернется? – спросила Эйден, ожидая от необыкновенно проницательного соседского мальчугана особых рассуждений на этот счет.

– Скоро опять понаедут, – не без сожаления ответил Гарник, – страх быстро пройдет. А если поймут, что змея не было, тогда еще раньше вернутся.

Когда Гарник ушел, Бони некоторое время смотрел в одну точку.

– Пожалуй, я тоже пойду. Отдохну с дороги... Конечно, это невероятно, с научной точки зрения просто дико. Слишком смелое предположение, которое ни под какие правила не подпадает. Просто бред какой-то. Нет, этого не может быть... – бормотал про себя Бони, покидая гостеприимную столовую Эйден.

Когда дверь за ученым закрылась, на улице зазвенел громкий переливчатый колокольчик. Из окна гостиницы было хорошо видно, как к воротам гостиницы подъехал довольно странного вида велосипедист.

– Эйден, тебе на постояльцев сегодня везет, – попробовал пошутить Коман.

Эйден буквально уставилась на велосипедиста.

Несмотря на жару, одет он был в кожаный, облегающий высокое плотное тело, костюм.

На шее велосипедиста висела массивная золотая цепь с большими янтарными вставками в виде трезубцев. На его голову была нахлобучена модная морская фуражка с искрящейся на солнце кокардой в виде морского краба.

Прислонив велосипед к забору гостиницы, он отошел ближе к середине улицы и приветственно махнул рукой Эйден, которая продолжала с удивлением разглядывать его из окна.

Лицо незнакомца, с густой окладистой бородой, своим строгим суровым выражением походило на лицо полярика из школьного учебника Эйден.

– Здравствуйте. Я ваш новый почтальон. Привез ценное письмо вашему морскому пришельцу. Скажите ему, пожалуйста, чтобы он вышел и расписался в получении, – велосипедист крикнул осиплым голосом, как будто у него пересохло в горле.

– Разве такие почтальоны бывают? И откуда он знает, что Юнг здесь? – спросила Эйден Комана, который смотрел на почтальона, как на инопланетянина.

Юнг уже бежал по лестнице вниз. Через минуту другую он вернулся с объемным желтым конвертом, оклеенным многочисленными марками.

– Мне письмо прислали, – перехваченным волнением голосом выговорил Юнг.

Морской разорвал конверт и вынул оттуда содержимое: красного цвета паспорт, цветастую банковскую карту и довольно объемное письмо, отпечатанное на нескольких листах мелким убористым шрифтом.

Коман выхватил паспорт из рук Юнга и бегло просмотрел его содержание.

– Так... Ты – Юнг Ч.. Вот и фотография твоя. Фамилия у тебя, брат, странная, состоит из единственной буквы и точки.

Юнг в ответ неопределенно пожал плечами.

Глаза у него беспокойно забегали, как будто его уличили во лжи. В носу совершенно не к месту зачесалось, и он самым неприличным образом чихнул.

Коману же явно доставлял удовольствие процесс уличения Юнга во лжи.

– Как почтальон тебя здесь нашел? Это же уму непостижимо. Сплошные загадки с тобой, – Коман взял конверт и поискал на нем дату отправления. Он нашел почтовый штамп, но дата отправления по какой-то причине отсутствовала.

Разорвав пакет, Коман развернул письмо. Вчитываясь в содержание текста, он от удивления сводил брови, хмурился, иногда отрывался от чтения, поднимал глаза и с пристрастием смотрел на Юнга.

– Так, мне все ясно, – дочитав письмо, Коман свернул его вчетверо и отдал Юнгу.

– Что тебе ясно? – спросила Эйден, недоумевая, почему Коман так изменился в лице.

– Потом объясню, – Коман поднялся, собираясь уходить, – Кстати, твоего Морского я забираю с собой. Жить он будет у меня в отеле и, причем, за весьма умеренную плату.

Коман подмигнул Юнгу и похлопал его рукой по плечу.

– Собирайся, дружище. Поедем со мной.

Эйден ничего не понимала.

Глава 5 Не так уж плохо обстоят дела в банке

Директор анагорийского банка «Кэпиталс» Херб Брукс, войдя утром в свою приемную, сразу обратил внимание на небольшой синий конверт с необычным логотипом.

Конверт лежал на столе секретаря в том углу, где обычно дожидалась своего часа разная банковская корреспонденция.

– Это что? – спросил Брукс у молоденькой, курносой секретарши, взглядом указывая на конверт.

– Письмо вам пришло... – секретарша взяла конверт и, взглянув на него сквозь толстые линзы очков, добавила, – от строительной корпорации «Посейдон» пришло письмо.

На лице банкира обнаружилась недовольная гримаса. Корпорация «Посейдон» была ему неизвестна, а заводить отношения с новыми клиентами в создавшейся в городе обстановке не хотелось.

С пренебрежением Брукс взял конверт и, топая, как медведь, что являлось первейшим признаком начинающегося раздражения, прошел в свой кабинет.

Плюхнувшись в новенькое крутящееся кресло, обшитое приятной холодной кожей, Брукс открыл конверт. Уже с первых строк документа он понял, что ему предлагают принять участие в некоей аванюре.

Незнакомая ему корпорация «Посейдон» просила принять на хранение довольно крупную денежную сумму.

За банковскую услугу и полное соблюдение конфиденциальности они обещали платить весьма высокий процент.

Представителем корпорации и единственным распорядителем всех переведенных в банк средств выступал некий Юнг Ч..

Юнг Ч. уже находился в Анагории, и его мобильный номер был указан в самом низу письма.

Не исключая подвох, Брукс открыл ноутбук и зашел на специальный платный сайт. Информация по его запросу пришла незамедлительно.

Такая фирма действительно существовала. Брукс расслабил серый нейлоновый галстук и расстегнул ворот фирменной розовой сорочки.

Корпорация «Посейдон», как сообщала сайтовская информация, занималась строительством многоквартирных жилых домов.

«Предприятие имеет недурные легальные доходы», – как только эта положительная мысль зародилась в голове Брукса, он сразу же набрал номер на своем смартфоне и, дождавшись прекращения гудков, бодро проговорил в трубку:

– Моя фамилия Брукс. Только что прочитал письмо. Надо бы встретиться и обсудить все детально. Если вы располагаете временем, тогда приезжайте ко мне в банк прямо сейчас.

В ответ прозвучало:

– Хорошо. Я сейчас приду.

Потенциальный клиент банка его услышал и понял.

В ожидании клиента банкир барабанил пальцами по столу, выбивая мелодичный средиземноморский мотив.

Ситуация для его банка была крайне непростой. Точнее было бы сказать, что после вторжения змея в бухту Ихтео она сделалась удручающей. Банк оказался в тяжелом состоянии вынужденной стагнации. Проще говоря, банковской активности не стало никакой.

С того злополучного дня, когда змей вторгся в бухту, банк не выдал ни одного кредита, не получил ни одного возврата ранее выданных займов.

Положение отягощалось тем обстоятельством, что вторжение змея было признано стихийным бедствием, сродни землетрясению или начавшейся войне.

Наступивший форс-мажор позволял заемщикам не торопиться с возвратом взятых в долг денег. Брукс и сам отлично понимал, что без туристов доходов в городе нет и быть не может.

По этой же самой причине, следуя простой логике, вслед за отелями, пансионатами, санаториями следовало бы на какое-то время прикрыть и его коммерческий банк.

Брукс бы так и сделал, если бы он не был человеком в высокой степени разумным, неординарным и по-хорошему непредсказуемым.

Другими словами, он отличал зерна от плевел, чем и снискал себе славу толкового, удачливого бизнесмена. Что-то подспудно подсказывало ему, что на Анагории, несмотря на серьезные последствия пребывания в бухте Ихтео чудовища, еще рано ставить крест.

Он верил, что курорт такого уровня в самое ближайшее время снова поднимется. У него имелся на этот счет целый ряд идей, которые он терпеливо вынашивал.

Когда открылась дверь и клиент вошел в кабинет, Брукс как раз и был погружен в свои мечты. Он видел новые гламурные дворцы в Анагории, вымытые мыльной водой улицы, зеленые парки и скверы с диковинными растениями и блистательными скульптурами.

Банкир быстро поднялся с кресла и резвыми шагами, которые плохо увязывались с его довольно полным телосложением, выдвинулся к середине кабинета.

Бруксу хватило одного взгляда, чтобы понять, что его новый клиент далек от мира финансов, коммерции, да и вообще бизнеса в целом.

«Писатель, поэт... что-то в этом роде», – сразу же мелькнула мысль. Вместо рукопожатия Бруксу захотелось схватить этого молодого неадекват за грудки и пару раз встряхнуть, чтобы привести его в чувство, соответствующее месту.

Клиент старательно изобразил из себя нечто напоминающее поклон. Его спина неестественно прогнулась. При этом с головы слетела совершенно никчемная кепка, которую он попытался пристроить в узкий карман брюк.

Присаживаясь на стул с высокой спинкой, клиент неловко поскользнулся на паркете, ноги предательски разъехались и он едва не упал.

Снисходительно улыбаясь, Брукс вернулся в свое кресло, положил перед собой письмо корпорации «Посейдон» и разгладил его загнувшиеся углы.

– Где вы остановились? – спросил банкир, внимательно наблюдая за Юнгом. Он мог утверждать, что подобного клиента у него никогда не было. Эфемерность, отвлеченность сознания отчетливо читалась в его глазах.

– Та-ам, – заикаясь, ответил Юнг и жестом указал в сторону окна.

В этом жесте и самом ответе было что-то умопомрачительное. Брукс решил, что его клиент пребывает в каком-то трансформированном состоянии. Он хотел было предложить ему коньяк, чтобы как-то исправить положение, но тут же передумал.

Брукс снял очки и провел пальцами по своим суровым выпуклым бровям. Собрав именным платком капельки выступившего на лбу пота, он вызвал секретаршу.

– Барбара, сделайте нам чаю с лимоном, – приказал Брукс раздраженным тоном, будто бы он вовсе не хотел этот самый чай.

Когда секретарша ушла, Брукс подумал, что следовало бы попросить к чаю бутерброды с сыром или на худой конец печенье.

– У вас кто родители? – спросил Брукс, резонно надеясь все-таки пролить свет на всю эту историю.

Надо сказать, что ответ Юнга уже не удивил, не поразил Брукса, а лишь подтвердил его опасения относительно некоторого помешательства клиента.

– Своих родителей я не знаю, а вот мой дед... мой дед... он – Посейдон, морской царь, – отвечая на вопрос Брукса, Юнг поднял голову и скрестил руки на груди.

Несмотря на туманность ответа, Бруксу показалось, что он начал что-то понимать.

– Ваш дед – владелец корпорации «Посейдон»? – спросил Брукс и в ожидании ответа почему-то потряс головой.

Но выражение лица клиента сделалось таким странным, что банкир решил больше вопросов не задавать, времени не терять и перейти к делу.

– Итак, – Брукс прищурил глаза. Они сделались у него настолько маленькими, что со стороны могло показаться, что он вовсе их закрыл, – итак, я получил письмо от строительной корпорации «Посейдон» с просьбой открыть в банке на ваше имя счет на двадцать миллионов.

– А это много, двадцать миллионов? – задал вопрос Юнг и тут же пожалел, что задал, поскольку лицо Брукса стало таким, будто он съел кислую ягоду.

Дверь кабинета в этот момент отворилась, изрядно скрипнув, чего с ней никогда не бывало. Самыми эффектными шажками, на которые только способны женские ноги, секретарша прошла по кабинету.

В руках она держала красный перламутровый поднос с чаем. Прогнувшись, как гимнастка перед стартом, Барбара выставила на стол ажурно разрисованные чашки на таких же фирменных блюдцах. Улыбаясь, как доверчивый дельфин, она также эффектно покинула кабинет.

«На такую женщину тебе двадцать миллионов, пожалуй, хватит», – хотел было съязвить Брукс, но язвить не стал, поскольку шутить с деньгами не привык.

– Я думаю, что этих денег вам на что-нибудь хватит. Вы же собираетесь вкладывать в развитие курорта? – осторожно спросил Брукс.

– Нет, Нет... Что вы? – Юнг завертел головой, – я здесь не для того, чтобы куда-то вкладывать средства. Моя задача – помочь пострадавшим после пребывания здесь змея, то есть выплатить им компенсации.

Брукс с удивлением посмотрел на своего потенциального клиента. Ему хотелось спросить: «Послушай, кто ты такой вообще? Зачем тебе надо помогать пострадавшим от змея?»

Подобные размышления ничуть не помешали Бруксу гипотетически поставить свой банк во главе списка пострадавших от змея и машинально вывести в уме предположительную шестизначную сумму банковских убытков. В голове банкира зародилась и другая упрямая мыслишка – попытаться технично отхватить у этой глупой овечки хотя бы половину всей его суммы.

Бруксу стало вдруг страшно интересно манипулировать этим недотепой. Он знал, что выглядит весьма авторитетно в глазах этого юнца, и было бы глупо не попытаться воспользоваться этим положительным обстоятельством. С другой стороны, не давала покоя и все время укреплялась мысль о возможном подвохе и о тех влиятельных лицах, которые, как пить дать, стоят за спиной этого Юнга.

– Двадцать миллионов – приличная сумма, но ее будет недостаточно, чтобы перекрыть все последствия змеиноного присутствия в Анагории. Увы, но ваших средств на всех пострадавших не хватит. Слишком уж много змей натворил, будь он неладен... – Брукс не без сожаления посмотрел на Юнга и, подняв указательный палец, добавил:

– Убытки только моего банка составляют около шестисот тысяч. Отели, гостевые дома, рестораны и прочие заведения тоже несут потери. Городской бюджет перестал пополняться. А сколько людей потеряло работу?

Юнг пожал плечами и со всей своей наивностью спросил:

– Так что же мне делать?

– Что делать? Что делать?.. – размышляя, Брукс по привычке барабанил пальцами по столу, – попросите у Посейдона еще. Объясните ему, что двадцать миллионов – это мало, – предложил банкир.

– Нет. Нет. Это невозможно, – Юнг замахал вокруг себя руками, будто он отбивался от надоедливых мух.

– Ну, тогда... – голос Брукса зазвучал в мощной басовой тональности, – тогда вы возьмите и вложите все ваши деньги в развитие новой Анагории... Инвестируемая вами сумма за год-другой вернется троекратной прибылью. Тогда вы точно рассчитаетесь со всеми вашими... гм... пострадавшими. Риск при вложении есть, но при моей поддержке он совсем небольшой.

Брукс внимательно наблюдал за Юнгом и, не давая ему переварить сказанное, продолжил:

– В самом центре Анагории есть хороший земельный участок. Сейчас там находится старое здание библиотеки. Через аукцион мы с вами приобретем права на эту землю. Библиотеку ликвидируем, а на этом прекрасном месте построим большой ресторан. Назовем наше заведение, к примеру: «Три чудовища». Напротив ресторана возведем небольшое гранитное здание и откроем там музей чудовища Ихтео. Перед музеем установим большую статую морского змея. Повсюду будут продаваться всякого рода сувенирные изображения змея: открытки, магниты, брелоки... да что угодно. В наш город потянутся туристы только для того, чтобы воочию посмотреть на то самое место, где когда-то побывал змей. Анагория станет по-новому привлекательной. Главной приманкой для туристов станет сам змей. Мы сделаем из страшного чудовища сумасшедшую по привлекательности рекламу.

Брукс говорил с каким-то странным акцентированным удивлением, как будто он сам не верил себе. При всем прочем вряд ли можно было утверждать, что он не был убедителен. Скорее, наоборот.

– Это все возможно? – спросил Юнг с осознанным сомнением.

Брукс, что называется, завелся, поймал кураж.

– Идея, я бы сказал, очень заманчивая, но, к сожалению, вам не позволят заниматься пропагандой и возвеличиванием вредоносного для общества существа... К тому же сейчас много говорят о повторном появлении чудовища. Нельзя привлекать сюда туристов, не обеспечив их безопасность.

– Где же выход? И есть ли он вообще?

– Выход, конечно, есть. Вам придется стать лицом публичным. Журналисты быстро сделают из вас некий ореол справедливости. Тогда вас никто не посмеет тронуть. Вы сможете делать здесь все, что захотите.

Брукс импровизировал, играл, давая всему этому крайне необычному делу весьма неожиданный поворот. Еще не вполне представляя себе последствия журналистской шумихи вокруг будущего акта меценатства, он уже видел свой банк в лучшем свете.

Юнг ушел в меньшей степени расстроенный, в большей степени приободренный надеждой, которую дал ему банкир.

Брукс же сразу после ухода Юнга позвонил Томми Борку – своему столичному приятелю, много лет корпящему на ниве пропаганды и информации.

Глава 6 Знакомство с Барби

Ведущий журналист столичного издательства «Шаман» Ангелика Ленор старательно крутила «велосипед» в подвальном зале старенького фитнес-центра.

Тишину утреннего безлюдного зала нарушил грубый, уже порядком надоевший и требующий замены сигнал смартфона.

Шеф-редактор «Шамана» Томми Борк просил, чтобы она срочно приехала, поскольку появилась работа, не требующая отлагательств. Ангелика слезла с тренажера и отправилась в раздевалку.

После теплого душа она довольно долго стояла перед зеркалом, придирчиво выискивая на своем теле группы мышц, нуждающихся в дальнейшей корректировке.

Довольная собой, Ангелика облачилась в красный брючный костюм, еще чуток покрутилась перед зеркалом, перед тем как покинуть фитнес-клуб.

Примерно через час Ангелика вошла в кабинет Томми. В излюбленной экстравагантной манере она приблизилась к столу главного.

– Хорошо выглядишь, Барби, – Томми, как всегда, не поскупился на комплимент. Как и вся редакция, главный называл ее по прозвищу, давно прилипшему к Ангелике за ее необыкновенное «кукольное» лицо.

– Что случилось? – вопрос Барби к шефу прозвучал с легкой претензией.

Томми крутил пальцами сигарету, не решаясь закурить в кабинете в присутствии некурящей Барби.

– В Анагории у меня есть один хороший приятель – банкир по фамилии Брукс. Его банк сейчас на грани закрытия, поскольку бизнес там, по известным причинам, в настоящее время мертвый... А тут вдруг в его банк какая-то частная корпорация переводит крупную сумму денег, причем с благой целью – оказать помощь пострадавшим от чудовища, то бишь змея, – Томми не справился с желанием, сверкнул зажигалкой и закурил.

Барби поджала свои тонкие, обведенные карандашом губы и недовольно сморщила маленький чуть вздернутый нос.

Предстояла командировка в Анагорию. Ехать туда после того, что там произошло, совсем не хотелось. Курорт после вторжения змея закрыли, купание в море категорически запретили.

Уезжая сейчас в Анагорию, можно даже купальник с собой не брать. К тому же ей никогда не нравились интервью с богатыми, которые, как правило, смотрят на тебя, как на доступный и податливый, в известном смысле, материал.

Томми же старался пробудить у Барби профессиональный интерес к предстоящей работе.

– Ты знаешь, Барби, этот Брукс – прелюбопытнейший тип. Я его давно знаю. Он удачливый бизнесмен, но сам трусливый, как заяц. Патологично боится за свой бизнес. Спит и видит, что кто-то отберет у него банк. Говорят, что в делах Брукс безукоризненно точен, но для меня он – скряга, у которого на поддержку прессы никогда не выпросишь.

– Что же этот твой скряга хочет от нас? – спросила Барби. Она присела на краю стола Томми, вынула из сумки ручку и блокнот с тем, чтобы при необходимости записать имена, фамилии, даты и прочие важные для работы сведения.

Томми подошел к открытой форточке, чтобы дым от сигареты большей частью ускользал в окно.

– По словам Брукса, у него появился весьма странный и подозрительный клиент... – Томми затянулся, медленно выпустил дым и стряхнул пепел сигареты прямо в открытую форточку... – так вот, располагая крупной денежной суммой, этот клиент собирается заняться благотворительностью в Анагории, то есть взять и раздать деньги пострадавшим от вторжения змея.

– Если в наше время кто-то раздает деньги, то он сразу же вызывает подозрение. Что здесь такого, Томми? Возможно, что клиент твоего банкира просто хочет помочь людям, – Барби не преминула возможностью возразить шефу.

Томми нервно передернул плечами. Ему не понравилось то обстоятельство, что Барби сразу не просекла, не увидела возможных подводных камней во всей этой истории.

– Брукс предполагает, и он имеет на это основания, что под видом благой цели в Анагории готовится какая-то незаконная акция. Брукс боится попасть в неприятную историю... – Томми перешел на откровенно назидательный тон.

– Но мы-то чем ему можем помочь? – спросила Барби, уже понимая, какого рода работа ей предстоит.

– От тебя требуется взять интервью у этого мецената. Поговори с ним по душам, войди в доверие, добейся откровения. Необходимо выяснить: кто он? Где родился? На ком женился? Зачем на самом деле он приехал в Анагорию? В наше время просто так деньгами не разбрасываются. Попытайся узнать истинные мотивы его благотворительности. Одним единственным интервью не ограничивайся. Поживи несколько дней в Анагории, собери разностороннюю информацию об этом деле. Все это может пригодиться в дальнейшем. И самое главное, – Томми приподнял руку с вытянутым указательным пальцем, – материал, который ты подготовишь для печати, должен показать Брукса в выгодном для него свете.

– Ты предлагаешь мне заняться бесплатной шпионской деятельностью. Почему бы твоему Бруксу не обратиться к спецслужбам?

Вопрос Барби Томми воспринял по-своему. Потушив сигарету в тарелке под цветочным горшком, он туда же определил и окурок.

Вернувшись в свое кресло, Томми уткнулся в какой-то документ и ответил Барби только через пару минут:

– Не будь наивной, Барбочка. Тебе это не идет. Лучше запиши имена, адреса, телефоны и завтра же отправляйся в Анагорию.

Но Барби и сама понимала, что отнекиваться бесполезно.

В полдень следующего дня Барби прибыла в Анагорию. Никогда раньше она здесь не была. Не выпадал случай. Когда змей вторгся в бухту Ихтео, она вообще находилась в другой стране. Потом жалела, что так все сложилось, что самое сенсационное событие в жизни она пропустила.

Барби ехала на такси и знакомилась с Анагорией. Курорт без отдыхающих, с закрытыми гостиницами и пансионатами выглядел довольно странно.

Город смотрелся как некий современный завод с новейшими станками и оборудованием, который пришлось закрыть по причине неожиданного прекращения спроса на его продукцию.

Бородатый таксист средних лет с озабоченным видом вез Барби по улицам и без всякого удовольствия знакомил ее с городскими достопримечательностями.

Таксист провез Барби по центральной улице с романтическим названием – проспект «Грез». Машина пролетела мимо недостроенного пансионата «Анагория», ретро-санатория «Европа», разных гостевых домов, отелей, ресторанов и кафе.

Барби любовалась роскошной ландшафтной красотой и от сожаления, что из-за проделок змея некому все это оценить, качала головой.

Наконец таксист лихо подрулил к подъезду центрального в городе отеля «Фрегат», который едва ли не в единственном числе продолжал исправно функционировать.

В этом же отеле проживал и Юнг Ч., которого Барби должна была интервьюировать.

На пороге известную столичную журналистку встретил хозяин отеля – Коман.

После формальностей, связанных с поселением, Коман помог Барби с вещами, перетащив чемодан журналистки в номер на втором этаже.

– Я знаю, что вы впервые в Анагории. Как вам наш город? – спросил Коман, присев в номере Барби на стуле у стола.

Барби расположилась на диване, с наслаждением вытянув ноги.

Нестерпимо хотелось принять душ после дороги, но тогда бы Коман ушел, и была бы утрачена возможность поговорить с хозяином отеля о необычном событии.

Как представитель бизнеса, Коман не мог не знать о грядущем меценатстве в городе. Времени до интервью с Юнгом оставалось еще около трех часов, и Барби решила пожертвовать собой ради интересов дела.

– Город мне понравился. Красивый очень. Проезжая по улицам, я видела, что почти все гостиницы закрыты. Ваш отель – один из немногих, который продолжает исправно работать. Судя по всему, змея вы уже не боитесь. Чудовище вам нипочем, – Барби сделала Коману комплимент, стараясь заручиться его поддержкой.

– Да-а-а... – протянул Коман, – гостиницы, пансионаты и все развлекательные учреждения закрыты. Нам слишком дорого обходится вторжение змея. Мы несем огромные убытки.

– Я вас очень хорошо понимаю. Когда-нибудь все восстановится, и ваш прекрасный город снова заполнится отдыхающими. Это неизбежно, – Барби самым дружелюбным тоном поспешила обнадежить Комана, вполне давая себе отчет, что возвращение народа в Анагорию после всего случившегося произойдет нескоро.

– Когда-нибудь нас не устраивает, – Коман покачал головой и развел руками, – надо уже сейчас прилагать усилия, всячески способствовать открытию курорта в ближайшее время. А наша досточтимая пресса должна этому содействовать. Ведь так?

Барби подняла подведенные черным карандашом брови.

– Чему пресса должна содействовать? – спросила журналистка, стараясь не изменять своему приветливому тону.

Коман ответил с легкой досадой:

– Журналисты должны способствовать скорейшему открытию курорта.

– К сожалению, повторное появление змея в бухте Ихтео не исключается. Значит сегодня еще преждевременно говорить об открытии Анагории, – Барби позволила себе не согласиться с Команом.

– Нет-нет. Так рассуждать нельзя, – категорически возразил Коман. В самом этом возражении, в его интонации прозвучало столько страсти и огня, что Барби невольно отнесла Комана к категории одержимых. Такие способны на пути к своей цели горы свернуть.

Коман продолжил:

– Об открытии Анагории говорить надо. И не только говорить, а еще прилагать к этому усилия. Ученым следует работать, корпеть над проблемой. Власти должны выделять средства на ее разрешение, а журналистам надо изменить отношение к проблеме. Пора перестать пугать народ. Ведь на экранах телевизоров и в газетах сплошная, извините, брехня, – Коман погрозил пальцем в пустое пространство номера, как будто в этом пространстве находился его злейший враг.

– Телеканалы и печатные издания имеют свои взгляды, свои точки зрения на событие в Анагории. Журналисты тоже люди. Иногда они бывают необъективными, предвзятыми, – Барби принялась защищать прессу.

– Необъективными? Предвзятыми?.. Это очень мягко сказано. Я бы сказал, что в погоне за своими рейтингами журналисты часто бывают откровенно лживыми. Ведь читателям больше всего нравятся страшилки. Народ тогда лучше раскупает газеты.

– Не все издания одинаковы, не все созданы по одному шаблону, – Барби продолжала отстаивать свою позицию.

– Я прошу прощения, – Коман неожиданно смягчился, – может, ваша газета на самом деле единственное в стране объективное издание, но вы должны меня понять. Для нас отды-

хающие – это же вся жизнь. Ради них мы живем и работаем. У нас тут нет никаких производств, нет фабрик и заводов. Без отдыхающих мы долго не протянем. И как же мы должны относиться к прессе, которая все время откровенно врет? Я где-то читал, что по Анагории уже волки ходят. После подобных сообщений кто сюда поедет?

– К сожалению, мир так устроен. Читатель подсознательно ищет в информационной среде нечто плохое. Чудовище Ихтео является тем самым материалом, который в полной мере утоляет читательскую жажду, – пожимая плечами, ответила журналистка.

– Жажду... – Коман невольно передернул Барби, – утоляя пресловутую читательскую жажду, вы – журналисты, усугубляете положение, заводите ситуацию в неразрешимый тупик. А ведь надо двигаться вперед и принимать какие-то меры.

– Меры уже принимаются. Создана правительственная комиссия по противодействию...

Громким смехом Коман перебил Барби:

– Ха-ха... Комиссия... Приезжала сюда одна столичная делегация. Походили по городу, посмотрели на все это безобразие, посочувствовали нам и пообещали помочь. А в последний день своего пребывания члены комиссии прилично выпили в ресторане и в откровенных беседах такое высказали... Они там, в этой комиссии, все перестраховщики, страшно боятся, что змей вернется в Анагорию. Не хочу об этом говорить даже... Кстати, от них я узнал, что помощи ждать неоткуда. Выделят нам из бюджета мизерные крохи. Вы же поймите, – Коман впервые за время разговора с Барби заговорил мягким, слегка заискивающим тоном, – у нас еще сохраняется надежда, что наша пресса нам поможет. Нужна яркая, бросающая реклама курорта, описание его достоинств, а не постоянное очернение.

Барби решила, что подошло время открыть Коману настоящую цель своего визита в Анагорию. Резко изменив направленность разговора, она спросила:

– Я понимаю. Я вас очень хорошо понимаю, но цель моего приезда в Анагорию другая. Мне нужна информация об одном человеке. В вашей гостинице проживает меценат Юнг Ч.?

– Ого! – всколыхнулся Коман, – уже до центральной прессы дошло! Удивительно, как же быстро у этого Юнга растет популярность.

Барби улыбнулась и не поленилась пояснить Коману банальную истину:

– Человек, который тратит свои деньги, помогая в беде другим, бесспорно, вызывает уважение. Подобная деятельность должна приводиться в пример.

– Да я все понимаю, – ответил Коман с кислым выражением лица, – но в этом деле не так все просто, как кажется. Слишком много тайн, которые не раскрываются, а дополняются новыми и новыми загадками. У меня складывается впечатление, что цепочка странных событий в Анагории только начинается. Начнем с того, что на мецената Юнг Ч. явно не тянет.

Надо сказать, что Коман на этот раз сильнее всего заинтриговал Барби. Для журналиста загадки, тайны – это самый, что называется «сок». Она уже ничуть не жалела, что приехала сюда.

– Что вы имеете в виду? – Барби попросила уточнения.

Коман, прежде чем дать ответ, в задумчивости провел рукой по своему гладко выбритому подбородку.

– Меценат он какой-то странный. Да что мне рассказывать? Вы сами его скоро увидите. Таких людей, как этот Юнг Ч., к деньгам близко подпускать нельзя. Я предполагаю, что за ним стоят влиятельные лица, которые затевают в Анагории свою игру.

– На чем основано ваше предположение? – спросила Барби, все более и более увлекаясь этой загадочной историей.

– Игры в благотворительность в финансовых кругах не проводятся просто так, ради красного словца. Надеюсь, вы не станете спорить, что меценатство в конечном итоге всегда способствует извлечению прибыли.

У Барби на памяти были и иные благотворители, которые жертвуя деньгами, замаливали свои грехи.

Но журналистка на сей раз не стала возражать Коману.

– Благотворительность, как правило, это всего лишь тонкий рекламный шаг, который позволяет выдвинуться из тени, заработать себе авторитет. Но, на самом деле, в самой акции меценатства заложен большой человеческий смысл, – поучительным тоном высказался Коман.

– И все-таки. Какие события происходят вокруг Юнга? – спросила Барби, возвращая Комана к цели своей командировки.

– Ну, хорошо, – с легким неудовольствием ответил Коман, сожалея о том, что Барби не позволила ему пофилософствовать, – начнем с того, что мецената, о котором вы собираетесь написать, нашли голым на пляже... Каково? А?... Сам Юнг объяснить толком ничего не может. Мямлит какую-то ерунду. А когда на него вдруг деньги с неба свалились, он вообще голову потерял, хотя, судя по всему, она у него на месте никогда не была.

Барби ничего не понимала.

– Давайте по порядку... Юнга Ч. нашли голым на пляже? Так? – спросила журналистка, делая пометки в своем разграфленном блокноте.

– Ну да, – подтвердил Коман, – на берегу, так сказать, его обнаружили.

– А почему он был без одежды? Он, что – нудист? – спросила Барби, продолжая пребывать в полнейшем недоумении.

– Нет, он не нудист... – рассмеялся Коман, – у нудистов тут свои укромные места, куда нормальные люди не ходят. Я сейчас расскажу... Наша местная художница Эйден рисовала картину на закрытом после вторжения змея городском пляже. В это время в море появилась группа дельфинов, которые несли на своих спинах Юнга. Вы представляете себе всю необычность этой истории?

– Это что, реально было? – спросила Барби.

– Реальней не бывает, – Коман был явно удовлетворен производимым на Барби эффектом, – дельфины выбросили будущего мецената на берег. Девчонка эта, Эйден, чуть с ума от страха не сошла. Сначала она думала, что он мертвый, а он оказался живой... В общем, Эйден пожалела парня, принесла ему одежду, привела домой, покормила, позвонила мне. Я приехал... Тут все и произошло... – Коман прервал свой рассказ, поскольку раздался бренчащий звонок его телефона. Он довольно долго говорил о своих гостиничных делах, а Барби, стора от сильнейшего любопытства, ждала, когда же Коман наговорится.

– Так что же произошло в доме Эйден? – требовательно спросила Барби, когда Коман, наконец, закончил телефонный разговор.

– А... ну да, – Коман вернулся к разговору с Барби, – этому типу, которого Эйден с пляжа привела в свою гостиницу, почтальон на велосипеде привез пакет. О!... Надо было видеть этого почтальона! Одна его золотая цепь чего стоит. Да и сам он... странный такой, как... – Коман не найдя слова для сравнения махнул рукой.

– Так что же было в пакете, который привез странного вида почтальон? – спросила Барби.

– В пакете был паспорт Юнга, банковская карта, ну и... письмо в банк. Из текста письма я понял, что некая строительная корпорация переводит в анагорийский банк «Кэпиталс» на имя Юнга Ч. крупную денежную сумму. Собственно, это письмо в корне изменило мое отношение к Юнгу... Вы знаете, – Коман понизил голос и перешел на шепот, – от него все время какая-то таинственность исходит. Вокруг Юнга происходят совершенно удивительные вещи. На всякий случай я забрал его из гостиницы Эйден. Он сейчас проживает здесь, в моем отеле, под наблюдением.

– Вы за ним следите? – без укора спросила Барби.

– Я боюсь, что этот тип может что-нибудь натворить.

– Что, например?

- Не знаю. Но он странный во всем и выдает себя не за того, кем на самом деле является.
- То есть, вы не уверены, что он меценат.

– Да нет же. Не в этом дело. Юнг – меценат, однозначно. У него есть деньги, и он собирается пожертвовать ими, но само поведение... Нет, ну очень все странно.

Когда Коман ушел, Барби еще долго сидела на диване в своем номере, анализируя ценнейшую для себя информацию.

Вопреки ожиданиям Барби, Юнг при первой встрече не произвел на нее неприятного впечатления. Скорее наоборот, вызвал симпатию, подогреваемую загадками вокруг его таинственной личности.

Журналистка внимательно смотрела на Юнга, на его лицо, в общем обыкновенное, не отягощенное внешними выразительными особенностями.

Примечательными у него были глаза, в которых эфемерное веяние мечтательности уживалось с серьезным беспокойством. Барби обратила внимание на опущенные уголки рта, как у трагического актера пантомимы.

Узкие плечи на фоне не слишком развитого телосложения указывали на возможное превалирование чувственной составляющей в его характере.

В целом Юнг, учитывая информацию Комана о нем, показался Барби крайне интересным субъектом.

Первый вопрос Барби, после формального знакомства, прозвучал с намерением выяснить причину его беспокойства.

Барби спросила:

- Скажите, Юнг, какая у вас самая большая проблема в жизни?

Глаза мецената забежали, лицевые нервы обострились. Он весь напрягся, будто вопрос застал его врасплох.

Прозвучал ответ:

- Вы знаете... самая большая проблема для меня в том, что в этой земной жизни я один.

Говорил Юнг сумбурно, словно захлебывался словами, как перевозбужденный от сильных эмоций ребенок. Барби подумала, что она могла бы сыграть в интервью роль бесконечно доброй мамы, которая в ответ на откровения простит своему чаду все его проступки.

- У вас нет семьи?

Юнг с явным отрицанием покачал головой.

– Тогда друзья и сослуживцы должны в некотором роде заменить вам семью, – Барби рассчитывала, что Юнг уже самого начала разговора прольет свет на свою загадочную историю.

– У меня нет друзей... нет и сослуживцев. Я ведь не работаю, – жалобным тоном ответил Юнг. На его тонких чувственных губах проявился и задержался глубокий скепсис. Барби показалось, что Юнг закрылся. Для интервью это могло стать плохим предзнаменованием. Стараясь вернуть его расположение, Барби задала отвлеченный вопрос:

- Скажите, а вы любите море?

Журналистка увидела, как лицо Юнга расплылось в открытой мечтательной улыбке. Скомканный от морщин лоб, сделался ровным, гладким. Глаза приняли диковинное выражение, как у талантливого актера, умело изображающего из себя инопланетянина.

Ответил же Юнг уверенным, спокойным голосом, как будто это «инопланетное» состояние было для него приятным и естественным:

– Море я люблю. Особенно на больших глубинах, где плотная вода нежно сжимает твое тело. Поверхностные воды тоже хороши... Они светлые, теплые, всегда прогретые солнцем. Там всегда живые нежные волны...

Смысл сказанного Юнгом Барби не поняла.

– Вы – дайвер? – предположила журналистка, вполне давая себе отчет, что истина лежит в несколько другой плоскости.

– Нет, ну что вы? – Юнг замахал руками, словно он отбивался от приставшей к нему мухи, – я не дайвер, я в море жил.

Ответ прозвучал с высокой степенью серьезности. Барби сделала вид, что она не заметила явной аномальности в словах Юнга.

– Вот как? Вы жили в море? Вы приспособлены к жизни в море? – спросила журналистка, подыгрывая Юнгу в его фантазии.

– Был приспособлен...

– А теперь?

– Теперь я жить в море не могу, – Юнг с таким мучением произнес эту фразу, что Барби на секунду показалось, что ей стало жаль его. Журналистка быстро взяла себя в руки и решила, что пора вернуть интервью в должное русло.

– Вы способный актер, Юнг. Умело изображаете из себя нечто таинственное, загадочное. У вас хорошая фантазия. Но мне нужна правда.

– Так ведь это и есть правда. Я не вру, не придумываю. Я... я хочу, чтобы вы мне поверили, – голос Юнга от напряжения, от обиды задрожал, – в море у меня была другая жизнь, лучше, чем та, которая у меня сейчас. Я был свободен, как вольный ветер.

Барби начинал надоедать весь этот бред. Не желая знать подробностей выдуманной морской жизни Юнга, журналистка задала ему следующий вопрос:

– Что побудило вас заняться благотворительной деятельностью в Анагории?

Барби не раз и не два проводила подобные интервью. Из своего опыта она хорошо знала, что ответ на аналогичный вопрос предсказуем на 90 процентов. Как правило, отвечают:

«Побудило чувство сострадания к потерпевшим или желание помочь ближним».

Ответ же, который дал Юнг, был иного рода, иного качества:

– У меня не было выбора. Я был вынужден стать меценатом.

Ответ снова был не понятен, и Барби попросила уточнения.

– Вас вынуждают? На вас оказывается давление?

Беседа начала принимать интригующий характер.

– Да. На меня оказывают давление. Да. Меня вынуждают делать то, чего я не хочу, – скривя зубами, ответил Юнг.

– И кто же эти люди? Кто вынуждает вас делать то, что вы не хотите? – осторожно спросила Барби. Она как будто бы боялась спугнуть синицу на плече Юнга.

– Это не люди, – Юнг с разочарованием посмотрел на Барби, – меня отправил сюда морской царь Посейдон с поручением, чтобы я исправил здесь положение после пребывания змея. Кстати, Посейдон деньги мне дал.

– Что вы говорите? Вам дал деньги мифический царь Посейдон, – очень иронично заметила Барби.

Где-то в глубине души она уже ругала Томми за то, что он в угоду своему знакомому банкиру отправил ее сюда и вынудил разговаривать с полоумным.

– Вы поймите. Я не сумасшедший, – будто читая мысли Барби, попытался оправдаться Юнг, – обстоятельства для меня сложились так.

– Извините, Юнг. Но когда вы говорите о своей жизни в море или упоминаете мифического царя Посейдона как реально существующее лицо, первое, что приходит в голову, – это ваше сумасшествие.

– Вы никогда не сможете меня понять, – Юнг склонил голову в трогательной манере, как преданная собачонка,

Барби посчитала, что, возможно, ей не стоило вот так прямо в лоб указывать ему на его ненормальность.

– Хорошо, – с долей снисхождения согласилась Барби, – предположим, что Посейдон на самом деле существует, и что это он прислал вам энную денежную сумму для оказания помощи пострадавшим от змея.

– Да. Да. Так все и было, – Юнг поднял голову. Его глаза смотрели на Барби с вполне разумным выражением. На этот раз журналистка посчитала, что никакой он не сумасшедший, а просто водит ее за нос, разыгрывает.

Барби машинально рисовала кружочки в своем блокноте, как будто это занятие могло ей чем-то помочь.

– Я думаю, что нашим читателям было бы небезынтересно узнать, как и где Посейдон передал вам деньги? Барби задала свой очередной вопрос, не придумав ничего существенного для продвижения интервью.

Прозвучавший ответ вновь был из разряда самых невероятных. Юнг ответил:

– Когда я был в доме Эйден, Посейдон на велосипеде привез мне пакет, в котором было письмо в банк с просьбой открыть счет на мое имя.

– То есть, вы хотите сказать, что Посейдон передал вам пакет при личной встрече.

– Да! Да! При личной встрече здесь, на земле. Я встретился с ним в гостинице, куда меня Эйден привела. Там еще хозяин этого отеля – Коман был. Он видел Посейдона в окно и может вам это подтвердить.

Эйден вспомнила свой разговор с Команом, где он упомянул о каком-то очень странного вида почтальоне в черной кожаной одежде и с золотой цепью на шее.

– Скажите, Юнг, почему вы решили, что почтальон, который привез вам пакет, это и есть морской царь Посейдон? – спросила Барби, полагая, что своим резонным вопросом она, наконец, поставит Юнга в тупик и что он теперь перестанет валять дурака.

Но ответ, который дал Юнг, вновь выходил за рамки разумных.

– Так ведь почтальон – мой родной дед. Что я своего деда Посейдона не знаю? – Юнг произвел на лице умопомрачительное мимикрическое выражение, которое вновь привело Барби к мысли о его помешательстве.

Барби резко обвела несколько кружков на изрисованном листе и демонстративно отбросила ручку. Интервью не ладилось, и журналистке хотелось, чтобы Юнга укусила пчела и он, наконец, перестал бы врать.

Глазами она поискала стакан воды, который всегда имелся в студии или в ином подготовленном для интервью помещении. Воды в номере не было.

Барби показалось, что на лице Юнга промелькнула серия издевательских усмешек.

«С какой целью он изображает из себя идиота? Что это ему дает? Какие дивиденды он может извлечь из неудавшегося интервью?» – Барби задавала себе вопросы и не находила ответы.

– Юнг, – Барби в очередной раз предприняла попытку добиться от него откровенности, – фантазии, какими бы красивыми они ни были, нельзя использовать для серьезного интервью. Мне нужна правда о вас, о ваших близких, о ваших связях, о вашем внутреннем мире, наконец. Я хочу знать, почему вы стали меценатом, как вы пришли к этому состоянию души? Мне и нашим читателям интересно, каким образом у человека вырабатывается способность к жертвенности? Какие чувства вы испытываете к пострадавшим?

Меценат поджал губы, как будто он был очень недоволен посыпавшимися на него вопросами.

– Я вообще не испытываю к пострадавшим никаких чувств. Мое меценатство другого рода, другого качества. Я равнодушен к людям и помогаю им по другим мотивам.

– Тогда зачем, по каким мотивам вы помогаете им? Что лично вам дает такая помощь? В чем причина вашего меценатства? – в голосе Барби прослеживалась совершенно несвойственное ей раздражение.

Юнг демонстративно отвернулся, будто он больше вообще не собирался разговаривать. Это выглядело как неслыханный акт неуважения.

– Нашим читателям было бы небезынтересно узнать: кто вы, Юнг? Откуда приехали?

Лицевые нервы мецената непроизвольно задвигались. Дрожащей рукой он вытер выступивший на лбу пот.

«Какой странный, какой необычный тип, – подумала Барби, – он же на денежного воротилу совсем не похож».

В этот самый момент Барби полностью согласилась с Команом и прочно утвердилась во мнении, что этот Юнг выдает себя не за того, кем на самом деле является.

– Господин Ч., – Барби попробовала изменить тональность разговора, перейдя на строгий официальный тон, – вы же дали согласие на интервью. Я прибыла сюда издалека, преодолела большое расстояние ради интервью с вами. Поэтому будьте добры ответить на мои вопросы.

Юнг угрюмо молчал.

Барби шмыгнула маленьким, острым, как у лисы, носом.

– Ну, хорошо... Где вы учились, вы можете сказать или это тоже ваша тайна?

– Я не помню, не знаю... не учился я нигде... Нет-нет, не учился... Не учился я... –

Юнг сильно разволновался, и его речь стала напоминать говорок не совладавшего со своими неукрепленными нервами ребенка.

– Хорошо, хорошо... Давайте продолжим интервью завтра, в это же время, – поспешила успокоить мецената Барби.

Она, как опытный психолог, знала, что завтра будет иной день. Вполне возможно, что Юнг одумается и все-таки раскроется перед ней, иначе... иначе, она применит другие способы воздействия.

Глава 7 Новая сенсация

Бони поднялся на самый верх нависающей над морем скалы. Сбросив походный рюкзак, ученый отдышался, подтянул сползающие бриджи и уселся в полнейшем изнеможении на высохшую траву.

Залитая прозрачным утренним светом гавань Ихтео с этой высокой площадки была у него как на ладони. Отсюда своими очертаниями она напоминала пятилитровую пластиковую бутылку.

Уже третий день Бони приходил сюда. Не очень рассчитывая на возвращение рептилии, он, тем не менее, терпеливо ждал новых событий в бухте, которые могли пролить свет на всю эту загадочную историю, связанную с чудовищем Ихтео.

Чем больше Бони размышлял и анализировал, чем глубже копался в дебрях разных научных познаний, тем чаще склонялся к мысли, что Гарник был прав. Никакого змея на самом деле не было. А чудовище Ихтео возникло под воздействием природных оптических явлений, как своеобразный колоритный мираж.

Изучению этих явлений Бони посвятил две последние ночи в гостинице Эйден. Используя старые проверенные методы познания, ученый быстро пришел к обескураживающему для себя выводу: подобный мираж с научной точки зрения объясним, а значит возможен!

Чем больше Бони читал имеющуюся на сей счет в сети научную литературу, тем больше он поражался правильности и обоснованности гипотезы, впервые озвученной Гарником.

Ведь световые отражения, возникающие после сложного преломления лучей в горной местности, могли иметь совершенно непредсказуемые очертания.

«Если иллюзии или обманы зрения возможны в цирке, то почему они невозможны в природе? Змея видели сотни людей, но никто не трогал его руками. Змей не вышел на берег. Он никого не съел и не раздавил. Значит, – полагал Бони, – реальное существование чудовища должно быть подвергнуто, как минимум, сомнению. Бесспорны только разрушения, которые причинил змей, или, якобы, змей. А если предположить, что разрушения на набережной произвел вовсе не змей, поскольку он был всего лишь миражом, то тогда истинной причиной анагорийской трагедии могло стать что угодно, например, землетрясение.

За несколько минут до появления чудовища местная сейсмологическая станция зафиксировала подземный толчок. «Землетрясение, – считал Бони, опять же соглашаясь с Гарником, вполне могло вызвать прорыв воды в одном из высокогорных озер и стать причиной потоков воды с гор, разрушивших набережную».

Ученый в большом количестве пил холодную минеральную воду и при этом сильно беспокоился о своем горле. Два или три раза за ночь он переходил на горячий чай, чтобы дать мозгам подмогу и согреть охлажденные железы.

Ближе к концу второй ночи ученый принялся компилировать научную статью для прессы. Но фразы получались блеклыми, невнятными. Изложенные мысли на дисплее ноутбука не отражали глубины и важности открытия.

Утром, перед тем, как отправиться на гору, Бони решил отказаться от статьи. Предпочтительнее было найти хорошего репортера, увлечь его своей идеей и с его профессиональной помощью добиться публичности.

На горе ученый с высоты всматривался в береговую линию, в прибрежные скалы, в безупречно гладкую бирюзовую поверхность моря и без усталости сопоставлял и анализировал все последние события.

Ближе к полудню от звенящего южного зноя ему стало не по себе.

Он продолжал терпеливо смотреть на море, на бреющих в полете жирных чаек, высматривающих какую-нибудь зазевавшуюся рыбешку, подплывшую близко к поверхности воды.

В какой-то момент от однообразия пейзажа, от навевающей дремоту звенящей летней тишины Бони потянуло в сон. Он прилег на траву и тут же заснул.

Ученый крепко спал, посапывая и похрапывая, иногда вздрагивая и переворачиваясь с боку на бок.

Когда Бони проснулся, сразу посмотрел на море. Внизу, разрезая гладкую поверхность бухты, к пляжному причалу быстро приближался большой белый катер.

Ученый вскочил на ноги, схватил бинокль, присмотрелся и ахнул.

Управлял катером человек в черном кожаном костюме, внешне похожий на почтальона, о котором Бони рассказывала Эйден.

Сквозь мощные линзы бинокля Бони хорошо рассмотрел его мужественное, усеянное глубокими морщинами лицо и золотую цепь на шее с крупными янтарными трезубцами.

Рядом с ним, держась за ветровое стекло катера, стояла девица в красном, свободного покроя платье. Развешаемые длинные русые волосы открывали приятное миловидное лицо с мягкими притягательными чертами.

У Бони комок подступил к горлу. Не выпуская из рук бинокль, ученый вынул из кармана телефон и быстро вызвал к разговору Эйден:

– Представляешь себе, какая чертовщина происходит в бухте? – Бони от волнения закричал в телефон, – только что прямо на моих глазах тот самый человек в черном кожаном костюме, о котором ты мне рассказывала, который приезжал к тебе на велосипеде... так вот этот самый человек привез в бухту на катере красивую девушку!

Эйден не знала, что на это ответить.

– Почтальон? Что вы говорите, Бони? Я не пойму.... На катере? Что за бред?

– Да-да! Я же говорил, что все это неспроста, что будут новые события, – продолжал неистовствовать Бони, – я с горы сейчас в бинокль наблюдаю, как эта девушка выходит из катера на причал. А знакомый вам почтальон остался на судне. Вот сейчас я вижу, как он поворачивает руль и дает катеру задний ход, разворачивает судно. Послушайте, Эйден, какое у него странное лицо. Такое впечатление, будто почтальону уже лет сто, как минимум. Но движения у него, я вам скажу, пластичные, как у молодого.

– А девушка? Бони, я прошу вас, постарайтесь запомнить, как она выглядит. Она же намного важнее для нас, чем почтальон. Мы же должны ее найти, – взволнованный голос Эйден требовательно звучал из динамика телефона.

– Лицо девушки я хорошо запомнил. Очень миловидное лицо у нее и тоже какое-то необыкновенное... и еще, я бы сказал... привлекательное сильно. В ней что-то есть такое, чего словами не объяснишь... – Бони сглотнул комок в горле, – Эйден, эта девушка... она как... – Бони от быстроты и стремительности разворачивающегося перед его глазами события растерял все эпитеты... сейчас эта девушка... она уже на набережной. Подходит к машине... такси бежевого цвета с синими ромбиками. Я вижу номер машины, запомнил его. Девушка оборачивается, машет почтальону, улыбается. Нет... ну, правда, хороша!.. Вот... она садится в машину, закрывает дверь и уезжает. Эйден, мы должны найти ее во что бы то ни стало... Анагория не такая большая. К тому же сейчас на курорте совсем мало людей, – Бони от волнения, от нервного возбуждения кричал и невольно разрывал фразы на отдельные части.

Не отрывая телефон от уха, ученый подхватил рюкзак и самым резвым шагом, на который только были способны его отнюдь не длинные ноги, направился к ведущей вниз тропинке.

Глава 8 Две головы одного чудовища

Бони еще не успел спуститься с горы, когда бежевое такси с синими ромбиками на дверях, притормозило на центральной улице Анагории.

Дверь машины мягко отворилась, выпустив из салона девуцу в красном летнем платье. Девуца огляделась по сторонам, с удовольствием осматривая приятный взору центр города.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.